

История моей ЖИЗНИ

Галина Назарова

Галина Назарова
История моей жизни

«Издательство «Перо»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Назарова Г. И.

История моей жизни / Г. И. Назарова — «Издательство «Перо»,
2020

ISBN 978-5-00171-659-4

«Сознательно воспринимать мир я стала позже, года в четыре – это был 1942-й, шла Великая Отечественная война с фашистской Германией. Мама работала в Ашхабадском городском комитете партии в общем отделе, в группе переводчиков. Она была очень грамотная, красиво писала, владела русским и немецким шрифтами машинописи...»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00171-659-4

© Назарова Г. И., 2020
© «Издательство «Перо», 2020

Содержание

Часть 1	6
Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	21
Глава четвертая	29
Глава пятая	35
Глава шестая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Галина Назарова

История моей жизни

*Ни слога красного,
Ни замыслов высоких,
Читатель, в повести
Не сможешь ты узреть.
Умов достоинства
И редких и высоких
Усердием души
Позволь мне заменить...*

М. Комаров

© Назарова Г.И., 2020

Часть 1

Глава первая Туркмения. Военное детство

Родилась я в городе Теджене, в Туркмении, 10 февраля 1938 года в семье инженера, который после окончания строительного факультета индустриального института в Тифлисе (ныне – Тбилиси, Грузия) был направлен в качестве молодого специалиста в Туркмению на строительство Тедженской плотины. Папа мой, Матяш Иван Сергеевич, сын крестьян из села Нижняя Ланная Карловского района Полтавской области, родился в 1904 году. Мама, Ольховенко Антонина Тимофеевна, 1910 года рождения, – из семьи железнодорожника. Мамин отец, мой дедушка, Ольховенко Тимофей Андреевич, 1875 года рождения, прослужил более тридцати лет – вначале помощником машиниста, а затем машинистом – на Среднеазиатской железной дороге. Он участвовал в Гражданской войне, ликвидации басмачества в Туркмении. За большие заслуги перед Отечеством дедушка был удостоен звания Героя Социалистического Труда, награжден Почетным дипломом и памятным карманными серебряными часами. Награды ему вручал М. И. Калинин в Кремле, в тридцатые годы. Моя бабушка, мамина мать, урожденная Кустова, родилась в 1884 году в многодетной семье, а ее отец, мой прадед Кустов Алексей Федорович, в свое время служил начальником железнодорожной станции города Чарджоу в Туркмении. При царской власти это была большая должность. Бабушка и дедушка сыграли большую роль в моей жизни, воспитании характера, формировании взглядов на многие вещи, что в жизни мне очень пригодилось. Позднее я поняла, что иногда моральные принципы, которые они мне привили, мешали мне, т. к. не всегда совпадали с интересами и моралью людей, с которыми мне приходилось общаться.

Кроме меня, в семье росла старшая сестра Светлана, 1934 года рождения. Она родилась в Узбекистане, в городе Ташкенте, была хорошенькая и походила на грузиночку. Дома ее называли Тата. Мама и папа были молодые и красивые, модно одевались, вращались в хорошем обществе. Когда родители брали нас на прогулку или в гости, я радовалась и гордилась своей семьей. Меня и Свету наряжали, заботились, чтобы у нас были красивые игрушки, книги, а у сестры – хорошие школьные принадлежности. Как мне рассказывали мама и бабушка, в Теджене я заболела от жары и инфекций. Родители решили отвезти меня на Кавказ, в станицу Минутку под Кисловодском, где жили бабушка и дедушка, которые переехали туда в начале тридцатых годов из Ашхабада. Мне было всего восемь месяцев. Кавказский климат, свежие фрукты и козье молоко должны были поправить мое здоровье. Я прожила на Кавказе до трех лет. Бабушка и дедушка ко мне привязались и полюбили меня, а я их. В начале Великой Отечественной войны дедушка отвез меня к родителям в Ашхабад, к тому времени они переехали туда из Теджена. Я того не помню, но папа рассказывал, как я заволновалась, почувствовав скорый отъезд дедушки домой: поняла, что дедушка хочет меня оставить родителям и уехать. Как только он уехал, я каким-то образом выскользнула из дома и потерялась в городской толпе. Родители долго меня искали, заявили в милицию, затем в одном из отделений милиции города сообщили, что нашлась беленькая кудрявая девочка, но она ничего не говорит и имени своего не называет. Когда папа приехал за мной в милицию, я отвернулась, сделав вид, что его не знаю. Меня с трудом отдали родителям. Папа нес меня через парк на руках. Я молчала и смотрела на огоньки лампочек, которые горели на столбах... Пришлось смириться и надолго расстаться с милыми мне бабушкой и дедушкой. Но это все я узнала потом со слов старших, а тогда еще не осознавала своего бытия.

Сознательно воспринимать мир я стала позже, года в четыре – это был 1942-й, шла Великая Отечественная война с фашистской Германией. Мама работала в Ашхабадском городском комитете партии в общем отделе, в группе переводчиков. Она была очень грамотная, красиво писала, владела русским и немецким шрифтами машинописи. Окончив курсы переводчиков, переводила тексты с немецкого языка. Папа работал в интендантской службе в Иране, изредка бывая в Ашхабаде по делам. Через горные перевалы, на грузовых, крытых брезентом машинах отряд военных красноармейцев пересекал ирано-советскую границу и въезжал на территорию Туркмении. Отчитавшись перед командованием и повидавшись с семьей, папа со своим отрядом возвращался к месту службы. В Ашхабаде боевых действий не было, но велась подготовка на случай нападения врага. В городе рыли окопы, по ночам прожекторы были наведены на небо в поисках непрошенных гостей. Мы жили недалеко от парка имени В. И. Ленина и старой гимназии, двор был обнесен высоким саманным забором, там стоял большой одноэтажный дом с длинной верандой, в котором проживало много жильцов. В этом же доме находилась КЭЧ (квартирно-эксплуатационная часть), где перед войной работал мой отец, направленный туда из Теджена. В доме мы занимали большую комнату, в углу которой стояла черная круглая печь для обогрева помещения. Пищу мама готовила на электроплитке или примусе в коридоре. Иногда всей семьей обедали в какой-нибудь чайхане или в ресторане.

Когда папа приезжал на побывку домой из Ирана, у нас был праздник. Он привозил из-за границы подарки и гостинцы нам и маме. Света пошла в первый класс гимназии. У нее были особого качества тетради, карандаши, ручки, точилки для карандашей, одежда, обувь. Папа привозил сахар, по форме напоминающий снаряд, на Востоке он называется «голова», шоколад в виде различных фигурок в коробках, кишмиш, рис, фасоль иранскую, горох-нут, бараньи курдюки, цветные высококачественные кожи для пошива обуви и пальто, красивый трикотаж, шубы, ткани, натуральный шелк, обувь, французскую косметику и многое другое. У нас в доме собирались гости, в основном военные с семьями, было весело, слушали патефон, пели песни, пахло хорошими сигаретами. Многие папины друзья приходили прощаться с нами, так как уходили на фронт. Некоторые из них не вернулись. Был у папы друг-офицер, красивый, веселый, фамилия была Рыков, имя не помню. Однажды приехал к нам, пошутил с детьми, попрощался с родителями, быстро собрался и ушел. А вскоре мы узнали, что он погиб. У мамы много было подруг, которые не имели возможности одеваться в красивые иностранные вещи. Им хотелось иметь такие же воздушные шифоновые платья, нарядную обувь, изысканную косметику, украшения. Возможно, кто-то и завидовал маме. Но она была не только мила собой, но и добра, как истинная интеллигентка. Мама нередко одаривала подруг заграничными вещами, за что дедушка – ее отец – называл дочку простофилей.

Пока мама была на работе, а Света в школе, меня закрывали дома на замок. Иногда сестра приходила за мной и вела в школу покормить обедом. Мы с ней кушали из одной тарелки суп из черепахи, было очень вкусно. Дети тихо ели, убрали посуду, затем брали свои учебники и расходились по домам. В школе учились русские, туркменские, узбекские дети. Между собой они разговаривали по-русски и были дружны. Когда у мамы выдавалось время и случалось хорошее настроение, она любила нам читать детские книги. Особенно мне нравилось слушать про Почемучку писателя Бориса Житкова.

В комнате на стене висело радио – черная тарелка, – по которому звучали военные песни, информационные сообщения о событиях на фронте. Я еще мало что осознавала, но тревожные сообщения действовали угнетающе. Дома одной не хотелось находиться. Почти напротив нашего окна была будка сторожа, двор охранялся. Я влезала на подоконник, подзывала сторожа, давала ему некоторые угощения (сигареты, сахар, конфеты). Он помогал мне вылезти через форточку во двор, а когда нагуляюсь, перед приходом сестры или мамы, с помощью того же сторожа попадала домой и как пайнышка сидела. Потом это все разоблачилось, и мама нашла женщину, которая присматривала за мной и сестрой.

Наш двор был большой. Кроме жилого дома, в нем находились котельная, летний душ, затем построили деревянный магазин, закусную. В середине войны во дворе вырыли окопы, чтобы люди могли прятаться при бомбежках. Однажды привезли убитую лошадь. Работники из закусной ее разрубили на части и мясо продавали жителям. На базаре продукты сильно подорожали. Во дворе было много зелени, субтропических деревьев, кустарников, цветов, от которых веяло прохладой и ароматом знойного оазиса Средней Азии. Все это поливалось, подстригалось и охранялось. Удивительно, что люди там, не в пример населению средней полосы России, очень бережно, с большой любовью относятся к природе. Может быть, оттого, что жаркое солнце Туркмении так нещадно печет, и зеленые островки и арыки с прохладной водой являются спасением для человека и источником его жизни. Две высокие шелковицы (тутовник) давали живительную тень, кормили ребятишек нашего двора крупными, сладкими, как мед, белыми ягодами. Тут же росла айва, какие-то деревья с крупными коричневыми стручками, внутри которых были сладкие зерна. Особым благоуханием веяло от кустов жасмина, сирени, которые росли вдоль забора. Под тенью деревьев стояли печханы – это железные кровати, обтянутые марлей. Жильцы нашего дома спали ночью во дворе, так как в помещении было душно. Марлевые пологи защищали от ядовитых mosкитов, которых очень много в Средней Азии. От укуса этой мошки на теле человека на всю жизнь оставалась пендинская язва, будь то на лице, руках или прочих местах. Практически все, кто побывал в Средней Азии, имеют на память такую печать. Каждая семья нашего дома имела во дворе свой мангал для приготовления пищи. Обычно это было перевернутое старое ведро, приспособленное под печку. На нем варили суп, жарили на сковороде мясо и даже делали шашлык, что у нас было очень принято. Когда готовили обед, аромат распространялся по всему двору, а если жарили шашлык, то пахло на всю улицу. И это не удивительно, потому что в Средней Азии очень вкусная баранина, насыщенные солнцем фрукты и овощи.

За забором нашего двора располагался исторический музей. Его окружал великолепный сад с клумбами, цветущим кустарником, олеандрами, розарием, экзотическими деревьями, стройными кипарисами. По территории сада важно и грациозно прогуливались павлины. Их клекот слышен был далеко в округе. Мы не раз ходили в этот музей с родителями, сестрой и соседскими детьми. Там были представлены интересные экспозиции, макеты о жизни и быте туркменского народа, о том, как они выращивают хлопок, искусно ткут ковры, какие они смелые наездники и хорошие пастухи. Красивые национальные костюмы и оружие, украшенное позолотой и драгоценными камнями, висели под стеклом.

Я помню, как родители с нами ходили в гости к друзьям Ляховым, которые жили в собственном доме с садом и виноградником. Тетя Маруся Ляхова – мамина подруга по гимназии, а ее муж Сергей Ляхов был спортсменом-тяжелоатлетом. У них подрастали сыновья Володя и Шурик. Нам нравилось у них бывать, Ляховы любили меня и Свету. Впоследствии Володя Ляхов стал чемпионом Европы по метанию диска. Много позже, в шестидесятые годы, живя в г. Балашихе, я прочла, что Владимир Ляхов – олимпийский чемпион. Через него я узнала адрес его матери, которая переехала в Таджикистан и жила там, будучи уже в преклонном возрасте. Она давно похоронила первого мужа. От второго мужа, который тоже ушел из жизни, она имела третьего сына. Я написала ей письмо, которому она очень обрадовалась и удивилась. Тетя Маруся сообщила мне о своей нелегкой жизни и прислала из их семейного альбома ценную для меня фотографию мамы и папы. Они сфотографировались вместе в 1943 году, когда отец уходил на фронт. Тетя Маруся ничего не знала о судьбе моих родителей, потому что война, а затем сильное землетрясение в Ашхабаде разбросали всех по свету. Когда она узнала адрес моей мамы, которая жила уже на Украине, то успела написать всего два письма. Вскоре мама умерла. Тетя Маруся долго сокрушалась, почему после тридцатилетнего перерыва, найдя подругу детства, потеряла ее навсегда.

Когда родители были вместе, нас водили в зоопарк, детские театры, городские парки. Под яркими тентами мы ели мороженое, пили морс, лимонад, крем-соду.

В парках всюду были сооружены летние театры и эстрады, играла музыка. В парк им. В. И. Ленина мы со Светой часто бегали сами, потому что он располагался недалеко от нашего двора. Там мы любовались цветами. Сотни сортов и расцветок дивных роз благоухали на улицах и в скверах Ашхабада, поэтому его и зовут городом цветов. Львиный зев, петунии, анютины глазки, ночные красавицы украшают яркими коврами интерьеры парков и источают незабываемый тонкий аромат южного края. В парке, где мы гуляли со Светой, было много фонтанов, бассейнов со скульптурами и золотыми рыбками. Украшали парк роскошные павлины, важно гуляющие по дорожкам, распутив веером хвосты. Мы вместе с детворой плескались в бассейнах, садились верхом на скульптуры лягушек, рыбок, старались попасть под струи фонтана, хотелось охладиться от знойного воздуха. Бегали мы, как и все ребяташки, в трусиках и босиком. Любили плескаться в арыках, которые проходили по окраинам улиц.

Мы со Светой дружили с детьми генерала Григоровича. Он занимал особняк по нашей улице, и мы часто бывали у них. Дом генерала был окружен старым садом с дорожками, скамейками и маленькими фонтанчиками. В тени высоких платанов и кипарисов стояла беседка, увитая лианами душистых цветущих растений. Под деревьями был натянут гамак, в котором мы любили кататься. Спортивная площадка была рядом с домом. Мы лазали по канату, лестницам, висели на руках, прыгали, играли в мяч, а затем бежали к фонтанчикам охладиться водой. У ворот стоял флигель, где размещался обслуживающий персонал. С домом имелась телефонная связь. Генерал приезжал на легковой машине, которая называлась «эмка». Он знал наших родителей и поэтому поощрял нашу дружбу с его детьми.

Света ходила в центральный Дом пионеров и часто меня брала с собою. По долгу старшей сестры она опекала меня. Дом пионеров в Ашхабаде – настоящий дворец, утопал в зелени и цветах. Среди пышных деревьев возвышался летний театр со сценой и скамейками для зрителей, где выступали дети с концертами. Мы ходили в танцевальный кружок. Я научилась танцевать туркменский танец, в котором девочки изображали плетение ковра в сопровождении туркменской мелодии.

С тех пор прошло более полувека, но я помню эту нежную мелодию. На улице мы покупали у старьевщиков бумажные шарики на резинках, сомнительного качества леденцы, парафин для жевания, который там называется «сакис» и служит для очистки зубов. Иногда старьевщики меняли свой товар на бездомных собак и кошек. Однажды Света, желая получить бумажный шарик на резинке, схватила собаку по кличке Кнопка, которая жила у нас во дворе, и понесла старьевщикам, стоявшим с телегой у ворот. Она, конечно, не осознавала последствия своего поступка для бездомной дворняги. На телеге была собачья клетка, в которой сидели несколько несчастных псов. Кнопка поняла, что ей не миновать беды, стала скулить и вырываться. Мама, увидев эту сцену, отругала Свету, отняла собаку и отнесла ее во двор. Мы видели, как старые туркмены кладут под язык табак, который они насыпают на ладонь из табакерок. Аксакалы сидят в стеганых полосатых халатах, тубетейках или в меховых бараньих шапках прямо на земле. Женщины – туркменки и узбечки – ходят в национальных шелковых платьях и шароварах, на ногах сандалии или кожаные легкие тапочки. На шее, голове, руках и даже ногах – всевозможные украшения, ожерелья из монет, золотые кольца и серьги. На голове носят тюрбан (некоторые женщины ходят в парандже, прикрывая лицо волосистой сеткой – чачваном, у мусульман это является символом бесправия и закрепощения, хотя Советская власть освободила женщин среднеазиатских республик от рабства). Такая одежда спасает людей от жары, которая в тени достигает сорока пяти градусов по Цельсию. Некоторые туркмены ходили в европейской одежде, это в основном образованные специалисты, занимающие должности на государственной службе. Туркмены, как правило, – красивые люди. Они с уважением относятся к женщинам, ласковы с детьми и почтительны с пожилыми.

Хочется рассказать и о животном мире Туркмении. Чаще всего там можно встретить ослов (ишаков) и верблюдов. Как правило, на ишаках передвигался рабочий люд, используя этих неприхотливых животных в качестве тягловой рабочей силы или транспортного средства. На верблюдах перевозили более крупные грузы и преодолевали утомительные длинные расстояния. И те, и другие животные питаются степными колючками, скудной травой и подолгу могут оставаться без воды, обладая сильной выносливостью. Опасными для человека являются змеи, фаланги, скорпионы, которых там множество. Укусы их могут привести к неминуемой смерти. Чтобы уберечь себя, люди спят на кошме – циновке из бараньей шерсти, запах которой отпугивает ядовитых насекомых. В траве и на листьях деревьев их тоже немало; много красивых бабочек самых разных окрасок и размеров, известный тутовый шелкопряд, из коконов которого получают нить для производства натурального шелка. Часто на деревьях или кустарнике можно встретить зеленого богомола, который потирает лапки, качает головкой и трением крылышек создает треск, как кузнечик стрекочет. Множество жуков, больших и маленьких, обитает повсюду. Неприятны москиты, о которых я уже говорила выше. От укуса такого комара на теле человека остается пендинская язва на всю жизнь. В траве и песке можно заметить разнообразных ящериц. Подальше от города в песках обитают вараны. Любители охоты привозили диких косуль, джейранов, лисиц, фазанов, которые водилось в окрестностях.

Климат и природные условия нелегко переносились, особенно приезжими. Такие болезни, как холера, чума, черная оспа, постоянно уносили тысячи жизней во время эпидемий. Советская власть, принесшая культуру республикам Средней Азии, позволила с помощью медицины победить страшные эпидемии. Однако такие заболевания, как трахома, туберкулез, диспепсия, малярия, рахит, продолжали бытовать, а пыльные ветры, недостаток воды, плохие бытовые условия, жара сопутствовали их распространению. С началом цветения хлопка у многих людей вдруг заболевали глаза, особенно у детей. Мы со Светой ходили в поликлинику, и нам промывали глаза марганцовкой, а затем закладывали под веки какую-то желтую мазь. Было очень неприятное ощущение.

Особым богатством отличались ашхабадские базары, видимо, как и положено на Востоке. Одним из таких был Текинский. Мама покупала нам воздушную кукурузу, мацони – это кислое молоко в стакане с запеченной пенкой, вяленую дыню, заплетенную косичкой, кунжутные козинаки, виноград «дамские пальчики» и другие восточные вкусности. Особым лакомством на столе считалась дыня. В Средней Азии исключительные дыни, сладкие и душистые, особенно гуляби и чарджоуские. Можно было целый день кушать только дыню или виноград с чуреком и быть сытым.

В 1943 году папа был направлен из Ирана на фронт. Он получил партийное взыскание и попал в штрафной батальон. В то время за малейший проступок наказывали строго. Война была в разгаре. Он оказался на Курской дуге. Мама думала, что это конец, что они больше не увидятся. В Ашхабаде продолжали копать окопы, строить укрепления. Небо рассекали прожекторы, по городу расклеивались плакаты, призывающие к защите Отечества. По радио звучала военная музыка. Особенно вызывала мурашки по телу песня в исполнении военного ансамбля «Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой!..». С раннего утра до позднего вечера на улицах и дома по радио звучали сводки Информбюро. Мы тогда еще не осознавали всей трагедии войны. Мама приходила поздно, работа требовала постоянно задерживаться.

У мамы было два брата. Старший, Михаил, 1904 года рождения, и ее близнец Анатолий, 1910 года рождения. Дядя Миша окончил в Средней Азии художественную академию. Перед началом войны его направили в Москву, оформлять Туркменский павильон на ВДНХ, в столице он прожил со своей семьей оставшуюся жизнь. Дядя Миша был женат на Зое Павловне Беркович. Когда тетя Зоя жила в Ашхабаде, она бывала в доме моей бабушки. Встречаясь с ее сыном Михаилом, тетя Зоя симпатизировала моему будущему папе, который в то время уха-

живал за мамой. Тетя Зоя об этом никогда не говорила, а папа, иногда вспоминая о привязанностях молодости, рассказывал некоторые эпизоды о юных знаках внимания с обеих сторон. После свадьбы у дяди Миши с тетей Зоей родилась в 1933 году в городе Акмолинске Казахской ССР дочка Ирина. Молодожены уехали в Акмолинск в связи с направлением дяди Миши на практику как молодого художника. В 1941 году дядя Миша сразу ушел на фронт. А дядя Толя, окончив Камышинское летное военное училище, был призван на передовую. К тому времени он был уже женат на осетинке Наде и имел двоих дочерей – Бэллу и Светлану.

Неприятности у отца послужили причиной перехода мамы на другую работу, кроме того, пришлось переехать и на новую квартиру. В новом доме мы занимали две комнаты, кроме нас, тут жили соседи. Но здесь было все беднее, и люди производили какое-то жалкое впечатление. За нашим двором стоял полк, окруженный очень высоким глинобитным забором. В этом полку служил Илья Семенович, будущий второй муж мамы, там же работала и она. У мамы был хороший голос и артистическая манера исполнения, поэтому она занималась в художественной самодеятельности. Кроме того, в воинской части она возглавляла женсовет. На территории полка был детский сад, куда меня устроили. Мама отнесла в детский сад тюфяк, одеяло, подушку, тарелку, чашку и ложку. Однажды по дороге в детский сад я шла и танцевала, напевая песенку. В руках держала гроздь черного винограда. В то время я очень мечтала стать балериной. Вдоль забора, как всегда, стояла охрана из солдат. В Туркмении их называют ялдашами, они черные, а головы у них бритые, как чищенная картошка. Солдат попросил у меня виноград. Я испугалась и отпрянула от него. Тогда он снял с плеча ружье и прицелился в меня. Я испугалась, подошла к нему и подала ветку винограда. Солдат отщипнул немного винограда, а остальную кисть отдал мне. Он, конечно, не хотел убивать меня, но я стала бояться ходить одна в садик.

В конце 1943 года к нам приехала бабушка из Кисловодска. Она привезла с собой внучку Иру, дочь дяди Миши и оставила ее у родственников тети Зои. Я уже отвыкла от бабушки и практически забыла ее. Но опять быстро привязалась к ней и полюбила. С продуктами было тяжело. Бабушка готовила, в основном, овощные блюда. Спасали овощи и фрукты, которых в Средней Азии было большое разнообразие. Света очень не любила суп с лапшой, заправленный помидорами и жареным луком. А я и вовсе это не ела. Зато мне очень нравились приготовленные бабушкой баклажаны. Она их называла «демьянками». Самым вкусным и распространенным блюдом у нас были арбузы, дыни и виноград с чуреком. Поскольку бабушка раньше жила в Ашхабаде, у нее было много знакомых, которых мы с нею навещали. Еще до Октябрьской революции у бабушки родился сын Сережа, она его очень любила. Во время эпидемии Сережа заболел черной оспой, которая периодически вспыхивала в Средней Азии, и умер семи лет от роду. Бабушка со своей приятельницей и со мною решила посетить могилку, на которой она не была более десяти лет. Могилу нашли с трудом, вернее, место захоронения ребенка. Я долго переживала потом о горькой материнской памяти, которая до конца дней оставалась в сердце бабушки, оставившей могилу своего ребенка на чужбине.

Мама думала, что мой отец уже не вернется с фронта. Но он был легко ранен в локоть на минном поле, попал в госпиталь и, пока лечился, увлекся молодой медсестрой – ленинградкой Соней Пальвинской. Она была хороша собой и на пятнадцать лет моложе моего отца. Маме кто-то написал об этом, и она решила не прощать. Вскоре мама вышла замуж за Илью Семеновича Киселева – работника НКВД. В то время маме было 34 года, ему 40. Бабушке новый зять не понравился. Она сказала об этом маме, но та и слушать ничего не хотела. Бабушка продолжала жить в Ашхабаде, помогая маме воспитывать нас. Она занималась домашним хозяйством, помогала и соседке, которая одна воспитывала грудную девочку. Женщина куда-то часто отлучалась, а девочка лежала в люльке одна, мокрая и голодная. Бабушка, сострадая к ней, меняла пеленки, кормила, давала соску. Потом малышка подросла, стала проситься к бабушке на руки и лепетать «сюп, кася, молеко», показывая пальчиком на стол, где стояла еда. Бабушка любила

и жалела детей, к которым она относилась очень чутко, поскольку была старшей дочерью в многодетной семье, и ей приходилось всех нянчить, ухаживать за младшими.

Из внучек, мне кажется, бабушка больше любила и жалела меня. Однако и Светлану она старалась поддержать и обогреть своим теплом. Мама почему-то стала Свету стричь наголо. Бабушка ругала маму, зачем она так делает, тем самым уродует девочку. Света тогда еще не понимала, что без волос девочка выглядит некрасиво. Когда она подросла, ей сделали короткую стрижку. Волосы у Светы стали жесткие и такие густые, что не каждая расческа их брала.

Однажды мама, придя с работы, сказала, что завтра воскресный день, и она с коллективом поедет в Фирюзу, помогать колхозу убирать арбузы на бахче. Мы со Светой попросились поехать с нею. Мама пообещала нас взять. Фирюза – это изысканный оазис в пустыне южнее Ашхабада. Люди ездили туда отдыхать и даже лечиться, так как климат и природные условия этого края имели благотворные свойства для здоровья. К моему огромному огорчению, когда я проснулась утром, мамы и Светы уже не было дома, они уехали, решив меня не будить. К огорчению бабушки, я горько плакала и негодовала. Бабушка дала мне холодной воды, вале-рьяновых капель, я же их вылила и долго не могла успокоиться.

У мамы была подруга тетя Лена, которая жила с мужем Дмитрием в доме по нашей улице. Когда мы бывали у них в гостях, дядя Дима играл с нами и рассказывал о детях из своей школы. Он был учителем. А потом во дворе мы пили чай с розовым вареньем из красивых чашек. А вообще в Средней Азии чай пьют из пиал у самовара. Где бы мы потом ни жили, у нас всегда в доме были пиалы для чаепития.

Мама нас очень любила и баловала. Чаще всего вещи нам заказывали в детском ателье «Люкс», стригли в парикмахерских с одеколоном, водили в фотоателье, чтобы оставить фотографии на память. Мама и сама любила бывать в парикмахерских, где ей делали перманентные завивки, маникюр, разные косметические процедуры. Мама носила всевозможные шляпы, элегантные туфли, которые у нее имелись специально к каждому туалету. Так было принято среди женщин «из общества». Когда мамы не было дома, мы с сестрой примеряли ее вещи, обувь, красили губы и хотели скорее стать взрослыми.

Бабушка прожила у нас почти год. Наконец она решила вернуться в Кисловодск. Кавказ уже к тому времени был освобожден от фашистов. Там дедушка один находился в оккупации. Он много пережил как персональный пенсионер, большевик, коим его считали за советские взгляды, чудом уцелел от наговора предателей. Местное население, карачаево-черкесы и некоторое казачество, недовольное Советской властью, во время оккупации Кавказа фашистской Германией перешли на сторону врага... Но теперь всё было позади. Бабушка решила взять меня с собой, чтобы облегчить положение мамы. Мама и отчим проводили нас на вокзал. У бабушки собралось много вещей и я, шестилетняя. Был конец 1944 года. Поезд ехал по пустыне Каракумы. Кругом песок, барханы да колючки. После городской зелени пустыня меня удивила своей безжизненностью. Я смотрела на все с большим интересом, и многое из того, что увидела, запомнилось на всю жизнь. Дальше нам предстояло плыть по Каспийскому морю. Поезд привез нас в город Красноводск, где мы стали ожидать свой пароход. В Красноводске не оказалось пресной воды, притом жара там достигала 45–50 градусов. Это было пыткой. Мы кое-как утоляли жажду свежими помидорами. Но таким образом можно поддержать только тургор кожи, а жажду не утолить. Как же мне хотелось напиться простой холодной воды! Бабушка уговаривала меня потерпеть до посадки на пароход, там обязательно будет пресная вода. Но на пароходе было не лучше. Я не помню, как он назывался, только на всю жизнь запомнила качку и тошноту. Пароход недавно вышел из ремонта. В трюме, где мы находились, пахло масляной краской, было накурено и жарко, тускло светили фонари. Люди с восточной внешностью пили, закусывали, курили. Пахло едким потом и невымытыми телами. Мне было очень плохо. Я мучалась и плакала. Представляю, каково было бабушке со мной. Она не могла никому пожа-

ловаться в этой ситуации. Да и помочь нам было некому. Нас могли бы просто выкинуть за борт парохода, а там поминай как звали.

Бабушка меня вынесла на палубу. Моросил мелкий дождь, была ночь. На палубе было прохладно, с моря веяло влагой, мне стало легче. Я лежала у бабушки на коленях, так мы проплыли всю ночь. Когда утром спустились в трюм, вещей наших не оказалось, их украли. Бабушке было жаль потерять багаж. Мама положила в чемоданы хорошие вещи, привезенные отцом из Ирана. Там были пуловеры, пуховый шарф, белье, обувь для нас и дедушке в подарок. Но шум поднимать по этому поводу было опасно.

Пароход причалил к пристани города Махачкалы – столицы Дагестана. Мы, замученные дорогой и неприятностями, долго ожидали поезд, на котором должны были ехать до Кисловодска. Ночевали на вокзале. В помещении было грязно и душно. Еще грязнее оказались туалеты. Чаю негде было попить. Мы с бабушкой ходили на базар и там купили какие-то фрукты и лепешки. Тогда я узнала, что такое инжир, до этого я таких фруктов не видела. Теперь нам стало легче, так как тяжелых вещей не было, кроме маленькой тряпичной сумки с какими-то пожитками. В поезд мы едва забрались, так как все хотели ехать, а мест не хватало, а у кого и денег не было, чтобы купить билет. Инвалиды войны на костылях, без ног, на дощечках с колесами, с перевязанными головами устремлялись вперед, расталкивая локтями, костылями и палками всех подряд, лишь бы протиснуться в вагон и занять место. Стоял крик, шум, плач, проклятья. Кто-то уступил нам место в плацкартном вагоне. Бабушка прижала меня к себе крепко и держала всю дорогу, чтобы не потерять в толпе и неразберихе. Она говорила, что это фронтовики, израненные и искалеченные на войне, возвращаются домой, поэтому они нервничают и волнуются.

От Махачкалы ехали через Грозный. После Грозного поезд шел медленно и постоянно останавливался, так как пути были неисправны. Отступая с оккупированного Кавказа, немцы взрывали рельсы. Героическими усилиями Советская Армия не допустила фашистов занять Грозный, куда враг всеми средствами прорывался к нефтяным запасам Северного Кавказа. Наконец, больные и обессиленные, мы добрались до Кисловодска. Была зима 1944 года. Жили бабушка и дедушка в станице Минутка, которая теперь в черте города. Дом их находился на улице с названием Тихая. Со временем ее переименовали, но жители и сейчас помнят это милое название. Дом состоял из двух комнат и веранды. Вокруг – фруктовый сад, окруженный каменным забором, калитка с почтовым ящиком...

Оказалось, что из Ашхабада я уехала навсегда...

Глава вторая

Кисловодск. У бабушки с дедушкой

Я быстро привыкла к новой жизни, было хорошо и уютно жить в доме любящих меня родных людей. От папы я уже отвыкла, мама стала несколько чужой, так как при живом отце появился отчим. Бабушка об этом часто говорила, и я с ней была согласна. Единственно, кого не хватало, так это моей сестры Светланы-Таты, от которой мне часто доставалось, так как она была старше меня. По Ашхабаду я не скучала, только когда стала взрослой, очень хотелось попасть на Родину, посмотреть те далекие места, с которыми связано детство. Бабушку и дедушку я называла на «вы», так было принято обращаться к старшим в нашей семье.

Постоянно общаясь с бабушкой, я многому училась у нее. Жили они очень скромно. Из имущества в доме имелись комод, кровати железные с панцирными сетками, большой обеденный стол, венские стулья, посудный шкаф. Семейной реликвией служил большой сундук из красного дерева. Он занимал много места, примерно как современный диван. Крышка у этого сундука горбатая, поэтому лежать на нем было неудобно. Когда бабушка открывала ее ключом, слышался мелодичный звук. Мне интересно было заглядывать в сундук, смотреть, что там лежит. А лежало в нем всего очень много, главным образом, старинные вещи. Бабушка говорила, что с этим сундуком она выходила замуж, а при переездах на новое место он всегда следовал за нею. Там, по старинному обычаю, лежали и вещи, приготовленные на случай смерти.

На стене в комнате висел шерстяной ковер с выцветшими от времени силуэтами всадников, увозящих похищенную невесту. Посередине стояла железная печь, которую дедушка сделал своими руками. Была зима, поэтому мы жили в одной комнате, чтобы расходовать меньше топлива. Вторая комната называлась холодной, так как ее не отапливали. Там хранили запасы, сделанные на зиму: топленое масло, мед, сало, варенье, свежие и сухие фрукты, фасоль, крупы и многое другое. Под верандой был погреб, куда на зиму складывали картофель, корнеплоды, квашеную капусту, моченые яблоки, соленые помидоры и огурчики, вишню и смородину в сахаре, домашнее вино.

Печку топили кизяком, который делали летом сами. Дрова в той местности – большой дефицит. Для поддержания длительного тепла в печку засыпали каменный уголь, благодаря которому жар долго сохранялся, и в комнате было тепло. Зима на Северном Кавказе, естественно, холодней, чем в Средней Азии. Но в марте уже цветут подснежники, в апреле ярко прогревает солнышко, и кругом начинаются полевые и огородные работы. Я старалась помогать бабушке по дому. Протирала пыль на окнах, подоконниках, мыла полы. Бабушка говорила, что я рано берусь за домашнюю работу, еще успею. Она сшила мне куклу, вышила на ее лице глаза, черные брови, нос и розовые губы. Пришила ей из козьего пуха волосы. Кукла была самодельная, но красивая. Я ей шила одежду и играла в дочки-матери. Дедушка сделал мне из мягкой жести игрушечную посуду для куклы. Когда мы приехали в Минутку из Средней Азии, была эпидемия гриппа. Я и бабушка сразу заболели. Кроме того, мы в дороге заразились чесоткой. Чесались руки, особенно между пальцами, тело, нестерпимый зуд мучил нас день и ночь. Дедушка за нами ухаживал. Ходил в поликлинику, аптеку, на базар что-то купить из еды. Врач сказала, надо заказать в аптеке серную мазь, чтобы вылечить чесотку. Постепенно мы поправились, пришли в себя. Однако дальняя, тяжелая дорога не прошла даром для моей бабушки. Она надорвалась со мною по вагонам и вокзалам и заработала грыжу, с которой мучилась всю оставшуюся жизнь. Ей нельзя было делать операцию по состоянию здоровья, поэтому приходилось постоянно терпеть неудобства и боли в полости живота. Зимой бабушка крутилась у печки, а я ей помогала. Обычно дедушка с вечера заказывал то, что он хотел бы покушать завтра. Бабушка старалась выполнить его пожелание. Она готовила просто и вкусно. Особенно ей удавались борщи, супы фасолевый и гороховый, домашняя лапша. На второе она делала

котлеты рубленые, всевозможные запеканки, пирожки, пышки. Обязательно на третье блюдо был компот или кисель. Очень вкусный бисквит у нее получался из кукурузной муки. Кукурузные зерна мололись на домашней ручной мельнице. Муку из кукурузы замешивали на козьем молоке, добавляли сахар, яйца, курагу, ванилин и ставили в духовку на противне. Бисквит получался румяный, душистый и рассыпчатый. Кофе бабушка делала тоже сама. Она молола поджаренные абрикосовые косточки, затем добавляла цикорий, варила и разливала в чашки. В каждую чашку столовой ложкой добавляла кипяченное козье молоко с пенками. Чай пили из пиал по восточному обычаю. За столом у каждого было свое место. Я помогала накрывать на стол, расставляла тарелки, столовые приборы. Обедали всегда вместе. За столом тихо беседовали, обсуждали текущие дела, планы на будущее. К любой трапезе всегда на стол ставили салат, овощи, фрукты. Спиртных напитков никогда не было. Дедушка не выпивал и не курил. Когда к нам приходили знакомые, предлагали чай. Жили и питались на дедушкину пенсию. Она была у него повышенная, как у персонального пенсионера. Бабушка находилась на иждивении, я, разумеется, тоже. Дедушка получал на карточки в сутки 550 граммов хлеба, я – 300, а бабушка – 250.

Дедушка занимался хозяйственными работами по двору. Подметал, поливал огород, подрезал деревья, заготавливал на зиму топливо. У него была мастерская, в которой он трудился у верстака, выполняя заказы станичников, занимался ремонтом жестяной посуды, делал ведра, лейки, печки из металла, чинил примусы, паял, лудил и многое другое. Как персональный пенсионер он имел патент на индивидуальную деятельность и был освобожден финансовыми органами от налогов. Когда мы приехали в Минутку, дедушка купил двух козочек. Козы на Кавказе были почти в каждом хозяйстве, так как там богатые пастбища в горах. Одну козу звали Марта. Она была белая, комолая и с сережками. Марта была очень грациозная, ходила на задних ногах, любила жевать белье, стянутое с веревки. Вторую козу назвали Снегурочка за ее ласковый и покладистый характер. Дедушка купил ее на базаре в Кисловодске. Поскольку Снегурочка была стельная, мы ее едва довели до дома. На следующий день она окотилась двумя козлятами. Я помогала бабушке доить и кормить коз, наблюдала за ними. Козы – замечательные животные, добрые, игривые, чистые. Утром хозяева выгоняли коз и овец в большое стадо. Пастухи пасли их целый день далеко в горах. Вечером возвращались домой. Каждая хозяйка выходила встречать скотину, захватив приманку, как правило, кусочек хлеба. Наши козы были брезгливые и брали хлеб лишь в том случае, если он завернут в бумагу или чистую тряпку. Весной у Марты родился козлик, его называли Кизя. Козлят приносили в дом, они любят тепло. Было столько радости! Они играли, прыгали везде, а как напьются молока, укладывались сами спать в большую корзину. Все лето Кизя ходил в стадо, к осени он вырос и превратился в большого красивого козла.

Станица Минутка окружена Кавказским хребтом. В ясную погоду виден Великий Эльбрус, причем так близко, что, кажется, протянешь руку – и можно дотронуться до его бело-снежной, как сахар, вершины. Когда появляется Эльбрус, то сразу возникает удивительно приподнятое настроение, как будто ты сама паришь высоко в небе. С противоположной стороны гора Трех печи – в ней три огромные пещеры, в которых в доисторические времена, видимо, жили первобытные люди. Внизу под горой – пересохшее русло реки Белой. С подружками я бегала на эту гору за подснежниками и фиалками уже в феврале-марте и приносила домой букетики нежных цветов. В мае-июне дедушка ездил с тележкой в горы косить траву для сена козам. Он брал меня с собой. Какие же душистые цветы, травы в горах Кавказа! А сколько там земляники с особым ароматом, которого я больше нигде не встречала. Возвращались домой до жары, с копной подвяленной травы на тележке. Я восседала на верху, было весело. Дедушка сажал огород в горах. Там выращивали картофель, кукурузу, фасоль, табак. Мне нравилось ходить на огород. Пока дедушка и бабушка работали, я собирала ягоды, цветы, наблюдала за

насекомыми, слушала, как стрекочут кузнечики и другие малые обитатели фауны. С тех пор у меня большая любовь к природе, горам, Кавказу.

После того, как меня увезли оттуда, я вернулась в Кисловодск и Минутку через 29 лет. Сердце мое сжалось от чувства, что попала в родные с детства места. Ноги сами привели к тому дому, где проходило мое детство. Это произошло в 1975 году, дедушки и бабушки уже давно не было на этом свете. Я вновь прошлась знакомыми тропами. Зашла в дом, где меня встретили новые хозяева. Много изменилось в Минутке. Я подошла к горе Трех печи, но подниматься к вершине уже было нелегко. Только запах трав и цветов остался прежним. Я легла лицом в траву, и бальзам ее аромата оживил все картинки и эпизоды детства, проведенного здесь. Подруги тоже выросли и разъехались кто куда. А в детские годы мы так дружили, бегали друг к другу, играли в куклы, скакалки, прятки... У всех сады, там растут яблоки, черешни, вишни, сливы, груши, орехи и прочие плоды. Все это на зиму сушилось, варилось, использовалось на вино. В каждом дворе старались друг перед другом выращивать лучшие цветы. В цветниках обязательно цвели яркие георгины, ирисы, астры, душистый табак, лилии, ноготки, мальвы, выюны, подвязанные шпагатом или ползущие по забору. Серебряная трава обрамляла клумбы или высаживалась вдоль дорожек. Но природа Северного Кавказа бывает непредсказуема. Где-то в горах может выпасть летом снег, который принесет с собой холодные дожди или град. Тогда эта стихия природы внезапно нанесет урон урожаю, погубит труды земледельца, побив градом всходы и даже большие растения, смыв дождем посевы.

Иногда к нам приходили знакомые люди из станицы. На стол ставили чай, варенье, фрукты. Заводилась интересная беседа о том, как в станице обустроить дороги, где купить дешевле корма для скотины, откуда привезти сообща топливо, решались и другие хозяйственные вопросы. Я помню чету Друговых, которым отдавалось особое предпочтение. Когда мы ходили с дедушкой на прогулку, он мне показывал, где живут особо уважаемые люди станицы – врачи, учителя, писатели. Рассказал, что во время оккупации многих коммунистов и большевиков расстреляли. В Минутке нашлись предатели, которые составили списки из людей интеллигентных, заслуженных перед Отечеством, активистов и передали коменданту немецкой власти. Дедушка тоже был занесен в один из этих списков. Но немцы не успели осуществить свои планы до конца. Местное казачество и карачаево-черкесы поддерживали немцев, многие из них служили полициями, наводчиками, в охране. Встречали немцев хлебом-солью. Они думали, что это настоящая власть, и надолго. Но предатели Родины горько просчитались. Когда Советская армия освобождала Северный Кавказ от оккупантов, предатели бежали за немцами, кидались в вагоны, чтобы уехать в Германию. Фашисты их пристреливали и удирали, лишь бы самим спастись. У дедушки хранилась вырезка из газеты «Ставропольская правда» о геройских заслугах его сына Анатолия Ольховенко – маминого брата, который воевал на Северокавказском фронте и сбил несколько вражеских самолетов. Он был летчиком-истребителем. Однажды перед окончанием войны к нам в Минутку приехал военный в офицерской форме и привез письмо и большую металлическую коробку с конфетами от дяди Толи. Он немного посидел, рассказал, что Анатолий воюет уже на Западном фронте, и скоро война кончится. Бабушка угощала его зимними яблоками. Он хвалил их, восхищался яблочным ароматом и, очистив яблоко перочинным ножиком, кушал. Бабушка говорила, что в кожуре яблочной много витаминов, которые полезны для организма. Когда гость ушел, мы попробовали конфеты. Они были ароматные и удивительно вкусные. Бабушка положила в комод бумажку от конфет, чтобы подольше сохранить тонкий аромат.

9 мая 1945 года мы с дедушкой пошли в городской парк, к колоннаде. Там проходила демонстрация в честь дня Победы над фашистской Германией. Это был первый праздник Победы после окончания Великой Отечественной войны. Бабушка нарядила меня, дедушка был в белой вышитой косоворотке, подвязанной поясом в украинском стиле. Народ стоял у колоннады и вдоль улицы с цветами, зелеными ветками, флажками. Духовой оркестр играл

марши. Нарядные колонны людей шли с флагами, транспарантами, гармошками, были и военные с наградами на груди, некоторые на костылях, с палочками. Люди плакали, обнимались, пели, поздравляли друг друга, радовались встрече, окончанию войны. Мне тогда было 7 лет, а бабушке 70. Когда мы пришли домой, на столе стояли душистые пироги и жареная картошка с кислым козьим молоком – мое любимое блюдо. Бабушка все расспрашивала нас, как прошел праздник, что видели. Впечатлений и разговоров было много. Говорили о том, что хорошо бы скорее пустили электричку, которая соединяет Кисловодск с Минводами. Немцы, отступая, взорвали железнодорожный мост через реку Подкумок, железнодорожное полотно, холодильник и многое другое.

Настало лето. У меня уже было много подруг, мы играли целыми днями. Бегали друг к другу из дома в дом, по улицам, в горы за цветами. Иногда старшие девочки ходили в кинотеатр в Кисловодск. Они заходили за мной и просили бабушку отпустить в кино. Бабушка меня наряжала в красивое платье, завязывала большой бант на голове, и я, довольная, отправлялась с подругами. Обычно мы шли по шпалам железнодорожного пути. Это не было опасно, так как в то время электропоезда еще не ходили. До Кисловодска было километра четыре, и мы за разговорами быстро преодолевали путь. Можно было идти и по трассе, так называлось асфальтированное шоссе, но выходило гораздо длиннее. Дедушка иногда брал меня с собой в Кисловодск, где мы гуляли в парке, там много клумб с розами, душистыми петуниями и всякими прекрасными цветами. Особую нарядность городу придавали красные канны. Мы заходили в коптаж, чтобы попить нарзан из стаканчика, а иногда пили нарзан из источника на улице. На улицах и площадях в огромных кадках стояли пальмы. Из репродукторов звучала музыка, транслировались всевозможные передачи. Чистые стекла витрин магазинов приветливо сверкали на солнце. Мы гуляли по центральной улице, где прогуливались или сидели на скамейках отдыхающие. Кругом высились старинные, с красивой архитектурой здания санаториев и лечебных учреждений. Кисловодск – курортный город, поэтому там создавались все условия для хорошего настроения отдыхающих. Дедушка рассказывал мне, что до войны мама с папой приезжали в Кисловодск. Папа даже успел поработать на строительстве. Им построено два жилых двухэтажных дома возле кисловодского базара и грязелечебница в нижнем парке.

Однажды к нам приехала мама. Она была молодая, красивая и жизнерадостная. Я соскучилась по ней и радовалась ее приезду. Мне хотелось, чтобы все видели, какая у меня мама. Но в тот день я прибежала с улицы в слезах. Надо мной смеялись девчонки, что я очень кудрявая. Меня дразнили: «Кучерявый баран, не ходи по дворам...» Тогда я решила покончить раз и навсегда со своими кудрями. Закрылась в комнате и беспорядочным образом остригла ножницами самые крупные завитки. После чего стала похожа на гадкого утенка. Мама меня успокаивала долго, подравнила мне прическу, нарядила, и мы с ней поехали в Кисловодск погулять в парке. На Пятачке (так называется привокзальная площадь в Кисловодске) мама мне купила красивую корзинку, в парке я собирала в нее каштаны, которые напáдали с деревьев. Но не все было так прекрасно и безоблачно. Война кончилась недавно, последствия ее были печальными. Мама приехала в Кисловодск по поводу лечения Ильи Семеновича, который имел ранения и контузию. Во многих санаториях Кисловодска располагались военные госпитали, где проходили лечение и реабилитацию наши бойцы. При посещении одного из таких госпиталей мы с мамой видели тяжелораненых солдат, на костылях, на тележках без обеих ног, на носилках без ног, без рук, а часто и слепых. Эти молодые тела, беспомощные, как обрубки, вызывали отчаяние и безысходную тоску. Какова их дальнейшая судьба, кто знает? Но несомненно одно: не только их тела искалечены, но и жизнь тоже.

Напротив нашего дома в Минутке жила девочка, Ляля Волкова. Она была красивая, кудрявая, кареглазая и добрая, но очень избалованная. У них был хороший дом, красивый большой двор, весь в зелени и цветах. Жили они по тому времени богато. Лялин папа работал где-то в торговле, мама хозяйничала дома, была всегда ласкова, ухожена и красива. Они кичились

своим благополучием, и это было видно окружающим жителям станицы. Ляле покупали много игрушек, кукол, цветных карандашей и прочих забав. Мне очень нравилось играть с ней. В то время девочки любили вырезать бумажных пупсиков и всевозможную одежду для них. Я бегала к Ляле поиграть с пупсиками. Мы давали им красивые имена. Тогда модными именами для мальчиков считались Юра, Толя, Валера. Мы друг перед другом их красиво одевали, раскрашивали, и это было очень интересно. Но к Ляле не всегда разрешалось прийти. Мама ее часто находила всевозможные причины, чтобы не пустить меня. Бабушка это заметила и сказала, что у меня нет ни малейшего самолюбия, меня не пускают, а я все равно иду туда. Она строго запретила мне это делать и приготовила хворостину на случай моего послушания, которую спрятала за притолоку двери.

Рядом, через забор от нашего дома, жили Климовы. С их дочкой Тамарой я дружила, хотя она была старше меня лет на пять. Тамара рассказывала мне сказки, говорила о школе, играла со мной. Она помогала родителям по дому, и мне хотелось так же делать. Однажды Тамара позвала меня пойти с ней на товарную станцию за углем для печки. Мы с ней собирали уголь, который рассыпался по земле из товарных вагонов. Уголь был тяжелый, но я принесла его домой с чувством гордости. Позже, почти тридцать лет спустя, приехав в Кисловодск, я навестила в Минутке семью Климовых.

Тамары не было, так как она, окончив институт, вышла замуж и уехала в другой город. Дома оказалась одна бабушка. Она меня не узнала, но семью нашу хорошо помнила и с уважением отзывалась о моих бабушке и дедушке. Моя бабушка шила детские вещи для их ребяткишек. Так вот, Тамарина бабушка рассказала, какое несчастье постигло Лялю Волкову и ее родителей. Отца их посадили за растрату в торговле, а мать тяжело заболела и умерла. Ляля тоже не вынесла горя и погибла. С девочками из казачьих семей мне не разрешали особо дружить, считали их грубыми и недоброжелательными. Когда мне исполнилось семь лет, дедушка купил на день рождения красивую куклу, так как у меня была только самодельная. Я вынесла куклу на улицу похвалиться перед подругами. Девочки с нашей улицы позвали меня в горы за подснежниками, и я взяла с собой новую куклу. Там они попросили поиграть и оторвали ей руки так, что из нее посыпались опилки.

Жили на улице Тихой Карасевы, у них была дочь Дина, старше меня, училась в нашей школе с моей двоюродной сестрой Ирой в одном классе. Дина была очень красивая девочка, приветливая, способная в учебе. Судьба ее сложилась довольно печально. После окончания Краснодарского пединститута она попала в Балашиху и работала техническим переводчиком во ВНИИПО. Вышла замуж, стала Курочкиной, родила сына. Будучи совсем молодой, она скоропостижно умерла. Светлая память ей... Я встречалась в Минутке с ее замечательной мамой, которая безутешно скорбила о дочери и считала, что если бы Дина не уехала из Кисловодска, то жизнь у нее сложилась бы гораздо лучше, и она была бы жива и здорова.

С детства во мне воспитывали честность. Однажды я перевернула посудину, в которой находилась рассада томатов. Испугалась и решила спрятать все улики за домом. Но дедушка недосчитался рассады и нашел пустую посудину. Тогда он спросил у меня, не видала ли я эту рассаду? Я стала отпираться и обманывать всяческим образом, что я тут ни при чем. Дедушка очень рассердился, показал ремень и пообещал в следующий раз, если стану говорить неправду, угостить меня этим ремнем. Этот случай я запомнила на всю жизнь и врать разучилась.

Бабушка стала шить детские распашонки, чепчики, пеленки и прочие вещи для малыша. Я вначале не поняла, для чего она делает это, для моей куклы они были велики. Затем в середине лета 1945 года приехали мама с младенцем, Света и отчим Илья Семенович. Мальчика звали Юрой, ему было пять месяцев. К тому времени мама жила уже на Кавказе, так как Илью Семеновича перевели служить из Ашхабада в Моздок. Свете 8 июля исполнилось 11 лет. Она помогала маме нянчить Юрочку. Новый зять не нравился ни бабушке, ни дедушке. Они хва-

лили Ивана – нашего отца. Нового зятя называли по фамилии – Киселев. Илья Семенович был худощав, довольно высокого роста, но сутулый. Дедушка называл его «Горбатый». Илья Семенович чувствовал, что новые теща и тестя его недолюбливают, да они и не особо скрывали свои антипатии. Илье Семеновичу постоянно хотелось подчеркнуть свое достоинство перед стариками тем, что он работник НКВД, и ему многое позволено. В споре с бабушкой он как-то рассердился и незаслуженно его оклеветал, бросив фразу, что дедушка участвовал в расстреле бакинских комиссаров, и если понадобится, он может заявить в соответствующие органы. Дедушка настолько расвирепел, что не знал, какие слова подобрать в адрес оскорбителя. Ведь он вышел из бедной крестьянской семьи, воевал в Красной армии, был большевиком. Будучи человеком вспыльчивым, дедушка пронзительно сверкнул глазами, изо рта брызнула слюна, он назвал зятя сексотом и попросил его и свою дочь никогда больше не бывать у него в доме. С тех пор отношения между мамой и ее родителями стали крайне натянуты. Бабушка, хотя и жалела свою дочь и не хотела скандала в семье, но была на стороне мужа. Об этом стало известно и Анатолию – мамину брату, которому дедушка поведал весьма красноречиво о семейном крупном скандале. Анатолий также поддержал сторону своих родителей. С мамой – своей сестрой – он испортил отношения на всю жизнь, хотя и в молодости они не особо ладили, невзирая на то, что были близнецами. Вскоре мама со своей семьей уехала к себе домой.

Мы вместе с бабушкой ходили к Екатерине Герасимовне – тетке бабушкиной снохи Зои Павловны Беркович. Екатерина Герасимовна и ее муж Иван Авсеевич жили в Минутке за школой в уютном домике с красивым палисадником. Она хлопотала по дому, а он преподавал в школе математику. Их сын Валентин после окончания танкового военного училища был направлен на фронт, где и погиб на Курской дуге в 1943 году в возрасте двадцати двух лет. У Екатерины Герасимовны в то время были гости из Ашхабада – внучатая племянница Лена лет двух и внучатый племянник Вова лет девяти. Вскоре к Екатерине Герасимовне приехала тетя Зоя из Москвы с дочкой Ирой и новорожденным Павликом. Ему было всего несколько месяцев, и тетя Зоя относилась к сыночку с большой нежностью и любовью. Этим же летом приехал в Минутку к родителям и дядя Толя. А получилось это неожиданно. Мы с бабушкой собирались по делам в Кисловодск. Бабушка стала закрывать калитку и заглянула в почтовый ящик, нет ли там письма от сына. Ящик почтовый был пуст, и бабушка с грустью сказала, что сын забыл про нее. И вдруг кто-то сзади обнял ее за плечи. Бабушка обернулась, а это ее любимый сын Анатолий. Тогда я дядю Толю увидела впервые. Он был в военной летной форме, с множеством наград, красивый и веселый. Ему тогда исполнилось всего 35 лет. До войны дядя Толя был женат на красавице-осетинке Наде. У них было две дочки – Бэлла и Светлана. Девочки черноглазые, смуглые, настоящие горянки. Во время войны дядя Толя встретил другую женщину. В битве за Сталинград он был тяжело ранен и, пролежав длительное время в госпитале в Саратове, полюбил медсестру Галю, которая стала его второй женой. В первую семью он не вернулся, хотя Надя его ждала и очень страдала. В начале войны Надя приезжала с дочками в Минутку к родителям мужа. Бабушка нянчила внушек, но потом Надя увезла их к себе на родину во Владикавказ (в то время г. Орджоникидзе). Больше они не встречались. В конце пятидесятых годов мой отец был в командировке в Осетии, он тогда работал в Главном управлении Северного Кавказа Министерства производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов РФ. Папа разыскал Надю в Орджоникидзе. Она работала медсестрой, была не замужем, жила очень скромно, одна воспитала дочерей и дала им образование. Бэлла стала врачом, а Светлана – инженером.

Когда гости разъехались, мы стали готовиться к школе. Бабушка меня повела к врачам. Она признавала только частных докторов, которых в Кисловодске было много. Меня мучили зубы, я боялась их пломбировать, лечить, вырывать. Меня уговаривали, бабушка переживала, все было очень неприятно. Наконец мне выдали медицинскую справку о том, что я здорова.

Бабушка сделала полотняную сумку вместо портфеля. Сшила мне платье из серой шерсти с фиолетовым бантиком на груди. Как правило, она мне перешивала одежду из маминых вещей. На ноги мне купили на базаре мягкие лосиные тапочки. Дедушка смастерил ручку и линейку. Перья для ручки и карандаши купили. Первого сентября я, радостная, пошла в школу в полной экипировке. Меня провожала бабушка с букетом астр.

Глава третья

Первый раз – в первый класс

Школа была кирпичная, двухэтажная, неподалеку на улице Школьной, которая перекрещивалась с нашей улицей Тихой. Первую мою учительницу звали Мария Евлампиевна. Я и сейчас ее лицо хорошо помню, она была молодая и красивая женщина. Я ее полюбила. Класс наш располагался на втором этаже, большой и светлый, с окнами на улицу. Вокруг школы – огромный двор со старыми кленами. Туалет находился во дворе. В школу я ходила с удовольствием. Мне нравилось выводить буквы, читать. У меня в классе появилось много подруг и друзей. Лица многих из них я вспоминаю до сих пор. Бабушка часто бывала в школе, помогала в подготовке к праздникам, что-то делала для класса. На обед мне с собой давали яблоки, груши, домашние коржики, вареную кукурузу, иногда бутылку козьего молока с хлебом. Другие дети приносили то же самое. Надо сказать, что, несмотря на послевоенное время, карточную систему, люди в Минутке благодаря личному хозяйству жили терпимо. Как же я благодарна своим старикам за то, что в такое тяжелое время они находили силы поднимать меня, растить. Им было тогда очень нелегко.

Настала поздняя осень. Урожай убрали. Дедушка зарезал поросенка. В доме пахло копченым окороком и домашней колбасой. Колбасу приготовили и кровяную с гречневой кашей, и с пшеницей вареной, и мясную с салом и чесноком. Из желудка сделали сальтисон. Когда жарили на протвине в духовке колбасу, аппетитный аромат разносился по всему дому. Сало было толстое, дедушка солил его сам. Все это хранилось на холоде, чтобы хватило до весны. К ноябрьским праздникам варили вкусный холодец. Так примерно делали во всех домах. У дедушки был одинокий друг – старенький армянин. Дедушка звал его помогать зарезать скот. У этого армянина на одном глазу было бельмо, и поэтому он видел только другим глазом. Жил он бобылем, хозяйства у него не было. Мы его жалели, и когда он приходил изредка к нам, старались чем-нибудь помочь или порадовать. По вечерам бабушка вязала носки, чулки и варежки из козьего пуха. Я помогала ей прясть нитки, а затем наматывать в клубки. Бабушка говорила, что эта работа успокаивает ей нервы. По выходным дедушка доставал с чердака абрикосовые косточки, высыпал их в духовку, чтобы они прокалились, а затем разбивал молотком, и мы ели ядрышки. Абрикосовых косточек было много. Летом, когда стоит жара, спелые абрикосы разламывали пополам, мякоть отделяли от косточек, раскладывали на железные листы и ставили на солнце сушить. Получалась чудесная курага, из которой зимой варили компот, делали всевозможные приправы, пили с ней чай. Вкусные блюда умела бабушка делать из оранжевой тыквы. Она резала тыкву ломтями, как арбуз, затем запекала на протвине в духовке. Тыква получалась сладкая, с корочкой и мягкая, как мармелад.

Хороша и каша пшенная на козьем молоке с тыквой, а также варенье из тыквы с черносливом. Сладостей особых не покупали, так как было не на что. Но чтобы нас немного порадовать, дедушка с пенсии, один раз в месяц, покупал пряники и конфеты – карамель. Все пили чай с конфетами и пряниками, а потом бабушка сладости убирала подальше, чтобы я не съела. В то время я могла съесть конфет за один раз хоть киллограмм. Думала, что когда вырасту и начну зарабатывать деньги, накоплю конфет шоколадных и досыта наемся. Такие конфеты, которые привозил папа из Ирана, я больше никогда не ела. Но когда нет никаких сладостей, то и карамель кажется наслаждением.

Приближался Новый год. Начали готовиться к елке. Мы учили в школе танец снежинок. Мария Евлампиевна пошла с нами на улицу, и мы вместе рассматривали узоры, из которых состоят снежинки. Они падали на рукавичку, и можно было близко посмотреть, какая она нежная и вся ажурная, как кружево. Затем мне бабушка сшила марлевое платье, белые тапочки и корону на голову, всю в бусах и блестках. Для подарков детям бабушка сшила марлевые

мешочки, которые покрасила в разные цвета: красный, голубой, зеленый, желтый. Школьная елка была большая и нарядная. Мы пели, водили хоровод, декламировали стихи. Мария Евлампиевна сделала постановку старинной русской пьесы. Она пела:

«Уж я золото хороню, хороню,
Я у батюшки в терему, терему,
Я у матушки высоко, высоко.
Как пал перстень в калину-малину,
В черную смородину.
Вы ступайте, не утайте,
Мое золото отдайте...»

Это было так давно, что я слов всех теперь не помню, хотя мелодия этой народной песни до сих пор в памяти моей.

Зимние каникулы прошли быстро, началась третья четверть. Дни стали длиннее, но уроки по вечерам делала при керосиновой лампе, это не мешало учиться, тогда так жили все. Вскоре отремонтировали железную дорогу и столбы электропередачи, разрушенные войной. Послышался первый гудок электропоезда, движение которого было окончательно восстановлено. Бабушка и дедушка хлопотали по хозяйству. Я старалась им помогать во всем. Иногда устраивала им домашние концерты. Надевала мамино платье, которое мне было до пят, и, изображая Клавдию Шульженко, пела популярные в то время песни: «Синий платочек», «Дан приказ ему на запад» и другие. Я тогда еще не понимала дальнейшие планы нашей семьи, но обстоятельства заставили все изменить. Бабушкин сын Анатолий после войны получил место работы летчика на аэродроме в Киеве. Ему предоставили, как фронтовику с множеством высоких наград, прекрасную квартиру в центре Киева, где он поселился с новой женой Галиной, которую привез из Саратова. Дядя Толя сообщил своим родителям, что на Кавказ он больше не вернется и намерен жить в столице Украины – Киеве. Просил их переехать на Украину, где можно за городом купить собственность, продав дом в Минутке. Бабушке и дедушке пришлось принять это предложение, так как одним оставаться вдали от детей было невозможно. Война всех раскидала по разным городам. Престарелым родителям было тяжело жить одним вдали от детей, да и климат Кавказа не подходил для бабушки с заболеванием сердечно-сосудистой системы. Они приняли решение переехать на новое место жительства. Дедушка стал думать, кому передать свою мастерскую, ведь все увезти с собой было невозможно. У него был на примете один серьезный паренек, которому он доверил свое дело, инструменты и, поделившись опытом работы, благословил его на труд.

В конце февраля 1946 года внезапно приехал мой отчим Илья Семенович и сказал, что меня заберет с собой, к маме. Мне ехать не хотелось, а еще больше не хотелось расставаться со школой, бабушкой и дедушкой. Бабушка быстро меня собрала, дала Илье Семеновичу с собой кусок сала, хлеба, яблок и швейную машинку. Мы поехали на электричке в город Прохладный, который был недалеко от Кисловодска. Там служил Илья Семенович и жили мама, Света и Юрочка, которому исполнился годик. Когда мы приехали к маме, меня поразила бедность быта и отсутствие уюта в их жилье. Мама, замученная условиями послевоенной жизни, переездами и неустроенностью, стирала в корыте пеленки. Маленький Юра болел, Света ходила в школу, а придя после уроков, нянчила брата. Помню, как меня отвели в школу, продолжать обучение в первом классе. На меня все смотрели как на новенькую, а для меня там все чужое. Была карточная система на хлеб, продукты с рынка стоили очень дорого. На день рождения Юрочки мама купила сладкую булочку в виде сердечка. Нам это есть было нельзя, потому что дорого, и мы считались уже большими. В школу нам с собой ничего не давали, так как ничего не было из еды. Не помню, завтракали мы или нет перед уроками. Постоянно хотелось есть. Помню,

как девочка из нашего класса на перемене достала кусок белого хлеба с топленным маслом. Я сразу почувствовала голод до головокружения. Попросила ее отломить кусочек хлеба. Она дружелюбно дала мне откусить от ломтя.

В Прохладном мне не понравилось. Улицы казались мрачными, дома серыми. Кавказцы ходили в бурках и каракулевых шапках. Их женщины носили темные одежды, надвинув на брови пуховые платки. На базаре было много лошадей, верблюдов, коз и овец. Торговали всякой всячиной, но, как говорила мама, просили за все втридорога. К счастью, жить в Прохладном нам довелось недолго. Илью Семеновича демобилизовали и как политработника направили на работу в Винницкую область в качестве секретаря партийной организации сахарного завода. Помню, как мы добирались с Северного Кавказа на Украину. Кроме немудреной ручной поклажи, у мамы на руках годовалый ребенок, Света двенадцати лет и я, восьмилетняя. Ехали с пересадками, длительными остановками, в переполненных, прокуренных вагонах. Илья Семенович улаживал дела с билетами, выскакивал на остановках за кипятком, какой-нибудь едой на пристанционных базарчиках. Ночью нас поднимали, когда нужно было сделать пересадку на другой поезд, и мы, сонные, шли за руки с родителями, проходили под вагонами, ночевали на станциях и терпели вместе со взрослыми все тяготы путешествия. Жаловаться было нельзя, потому что всем было тяжело. Кипятком заваривали манку или хлеб, таким образом готовили кашу. В первую очередь надо было накормить Юру, мы могли есть все, как взрослые. В вагонах были вши, поэтому поезд несколько раз останавливали на больших станциях и заставляли всех мыться в санитарных душах.

Наконец, после длинного пути мы добрались до места. Устроили нас в селе Ольчедаево, район не помню, Винницкой области. Но запомнила, что в Ольчедаево мы ехали на грузовой машине от станции Катюжаны. В Ольчедаево нас поселили в сельском клубе. Клуб утопал весь в яблоневом саду. Когда мы приехали, сад как раз цвел бело-розовыми душистыми цветами, картина была незабываемая. С задней стороны клуба было две комнаты с русской печкой, в которых и разместилась наша семья. Илья Семенович приступил к работе в парткоме на Ольчедаевском сахарном заводе. Мама пока была с нами. Света пошла в 4-й класс в сельскую школу. Меня устроили в детский садик со школьным образовательным процессом. В детском саду мне очень понравилось. Кормили детей хорошо. Устраивали всякие занятия: рисовали, лепили, шили, даже научили вставлять резинку в трусики и пришивать пуговицы. Под музыку делали зарядку, танцевали. Учили декламировать стихи. Кроме этого, ходили в школу, которая находилась рядом. Школа была начальная, классы светлые, а вокруг здания – сосны. Преподавали на украинском языке, но я быстро освоила чтение и грамматику. Илья Семенович нас каждый день учил каким-нибудь словам или выражениям, которые он узнавал на работе, а мы запоминали. Например, говорил, что теперь вместо печки надо говорить грубка, вместо минуты – хвылына, а вместо часа – година и так далее.

Свете учеба давалась сложнее. Она с переездами запустила арифметику и русский язык. Кроме того, когда Света волновалась, то начинала сильно заикаться. К тому же, языковой барьер в четвертом классе ощущался серьезнее. Походная жизнь семьи, маленький ребенок не давали возможности маме заняться дочерью. Кроме того, Свете приходилось постоянно помогать маме смотреть за Юрой, а когда мама пошла на работу, то выполнять работу домохозяйки. На это у нее уходило много времени. Уроки часто приходилось делать поздно вечером. Родители по вечерам задерживались, приходили уставшие и раздражительные. Узнав, что у Светы плохая успеваемость, Илья Семенович начинал кричать на нее, ставил в угол. Он говорил, что ему сделают выговор на работе за неуспеваемость дочери. Света плакала, а я переживала за нее. У сестры стали плохие отношения с отчимом, она не хотела называть его папой и говорила это слово сквозь зубы. Правильно было бы помочь Светлане с учебой. Попросить учителя позаниматься с ней дополнительно. Но это было тяжелое время, и до нее руки не доходили.

Учебный год уже заканчивался. Вовсю цвели сады, жужжали пчелы, птицы весело щебетали – славили весну. Прилетели аисты и стали устраивать на крышах гнезда. Нас переселили в жилой дом. Таких домов была целая улица: двухэтажные, на двух хозяев. Мы жили в крайнем на втором этаже. За нашим домом были ровные поля, засеянные пшеницей. Поскольку в Ольчедаеве был крупный сахарный перерабатывающий завод, дома у крестьян имелись приличные по тому времени. Улицы освещены электричеством. Наша квартира состояла из трех комнат и прихожей. В первой комнате, она же была и кухней, стояла большая русская печь. Под потолком на печи – большая лежанка, на которой умещалось несколько человек. С этой лежанки можно было слезть в другую комнату через проем в стене. В дальней комнате спали родители. Удобства на улице, вода в колодце. Мама завела кур и гусей, кое-что посадила в палисаднике у дома. Вокруг красиво, природа радовала своей щедростью. Люди казались доброжелательными и жизнерадостными. Особенно там любили детей. Нас называли ласково: «дивчатка, хлопчики». А вообще, там было принято здороваться на улице, даже с незнакомыми людьми. Вскоре наступили майские праздники. В клубе устроили концерт, посвященный 1 Мая. На сцене пел большой хор взрослых, затем выступал детский хор школьников. Пели на украинском языке о И. В. Сталине, о Днепре, какой он могучий и широкий, на слова Тараса Шевченко, и другие патриотические песни. Сцена была украшена кумачом, лозунгами и портретами вождей. Обстановка торжественная, народу полный зал. На праздник второй годовщины со дня Победы над фашистской Германией нас водили на братскую могилу погибших солдат и мирных людей, расстрелянных во время оккупации. Затем все школьники в честь праздника обедали в колхозной столовой за длинным столом под навесом.

Наконец наступили долгожданные каникулы. Я перешла во второй класс. В первом классе я сменила три школы, поэтому учебный год показался очень длинным. К нам приехал на каникулы Вова – сын Ильи Семеновича от первого брака. Они с мамой и братом Женей жили в Курской области. Вова был ровесником Светы. Нашей маме было трудно справляться с большой семьей, и она взяла няньку – молодую кареглазую девушку Шуру. Шел 1946 год. С продуктами тяжело, хлеб продолжали давать по карточкам. Но у нас в доме как-то выходили из положения. Илья Семенович привозил патоку с сахарного завода, муку пшеничную и даже гречневую, творог, картофель, растительное масло. Мама пекла лепешки, добавляя патоку. От патоки лепешки получались коричневые и сладкие. Готовили в русской печке, еда целый день была теплая, а на лежанке можно было погреться. Однако приближалось лето. На Украине климат теплый, от земли исходит живительная сила, а травы, поднимающиеся весной, испаряют целебный аромат. Особенно душисты чабрец и барвинок. Природа в Винницкой области необыкновенно красивая. Местность в Ольчедаеве холмистая. Холмы покрыты соснами, источающими смолистый бальзам, что полезно для легочников. Мы бродили по окрестностям деревни, ходили на речку, в лес. Лес, правда, был далеко, но за целый день куда только не заберешься. На речке ловили рыбу, но особенно везло нам на раков. Вова палкой доставал их из-под берега, где они в иле находились целыми колониями. Он ловко лазил по деревьям, разоряя гнезда птиц, яйца можно было выпивать. Когда настала грибная пора, мы приносили кошелки с грибами. Странствуя целыми днями по округе, кормились сами и только вечером собирались домой, чтобы поесть и лечь спать. Вова все-таки чувствовал себя чужим. Мы это невольно замечали. Однажды произошел такой эпизод, за который мне до сих пор стыдно. Мама старалась что-то получше оставить Юрочке, это естественно, так как он был еще маленький. Она решила немного побаловать меня и Свету. Мама послала Вову вечером на колодец за водой, а нам тем временем разрешила напополам яичко и дала покушать. Пока мы с наслаждением уплетали вкусное угощение, Вова вернулся и все увидел. В его глазах отразилась такая детская обида, не столько за обделенность куском, сколько за обделенность материнской заботой и лаской.

Мама ждала ребенка, поэтому она решила меня отправить к бабушке, а Вову к его маме в Курскую область. Мы поехали в сопровождении няни, которая отвезла нас на станцию Катю-

жаны, где мы сели на поезд, чтобы ехать в Киев. Поезд был набит битком людьми, которые сидели где только можно. Все крыши вагонов были облеплены безбилетниками. Люди ехали даже на сцеплениях вагонов. Поезд часто останавливался и подолгу стоял между станциями. Лето в разгаре, вдоль железнодорожного полотна цвели полевые цветы. Я каким-то образом оказалась вначале в тамбуре вагона, а затем меня вытеснили оттуда, и я присела на ступеньках. Мне понравилось так ехать. Было нежарко, обдувало ветерком, ехала я, свесив ножки и болтая ими. Когда поезд останавливался, мне хотелось спрыгнуть со ступенек и нарвать цветов. Но я это не решалась сделать, боялась отстать от поезда. Удивляюсь теперь, как только меня не столкнули на ходу с этих ступенек? Видно, ангел-хранитель меня уберег от неминуемого несчастья. Наконец мы приехали в Киев. Нянька нашла по адресу дом, где меня уже ждали бабушка и дедушка, которые временно устроились у сына. Нас с дороги помыли и накормили. Спать меня бабушка положила с собой, а Вове с нянькой постелили на полу. Утром следующего дня они должны были ехать в Курск. На другой день после завтрака я вышла во двор погулять. Нянька стала собираться в дорогу, а когда хватились Вовы, то его и след простыл. Он убежал из дома. Дядя Толя заявил в милицию. Вову нашли в детском доме Киева. Тетя Галя взяла меня с собой, и мы поехали в детдом к Вове. Мы его не сразу узнали. Он был пострижен, в черных трусах и белой майке, худой и запуганный. С нами пойти он не пожелал, ехать к матери в Курскую область тоже отказался. Мы уехали домой и больше никогда его не видели и не вспоминали о нем.

Дядя Толя и тетя Галя жили в большой трехкомнатной квартире в двухэтажном доме, что на углу Софийской улицы и площади Богдана Хмельницкого. Дом этот и сейчас существует, так как имеет историческую ценность. Там теперь никто не живет, в нем располагаются различные организации. Напротив возвышается знаменитый Софийский собор, колокольни которого выше всех строений Киева. В центре площади – памятник Богдану Хмельницкому, который восседает на вздыбившемся коне и держит булаву в вытянутой руке. Вокруг памятника клумбы из роз. Памятник в те годы огибала трамвайная линия, по которой ходили вагоны до железнодорожного вокзала, Сенного базара и в другие направления. Бабушка брала меня с собой на базар, когда надо было покупать овощи, фрукты, мясо и прочее для приготовления обеда. Она любила готовить украинские блюда. Все обожали борщ, который она готовила удивительно вкусно. Часто она баловала всех варениками и пирогами с вишней, вишневым киселем, беляшами с мясом, рыбными расстегаями. Дедушка сделал маленькую мастерскую напротив окна в кухне. К нему приходили люди с заказами по мелкому ремонту хозяйственной утвари так же, как и в Минутке. Дядя Толя работал на аэродроме на станции Пост-Волынский рядом с Киевом. Он продолжал летать.

Тетя Галя имела хорошую специальность, она шила платья, юбки, блузки киевским модницам, как правило, из трофейных тканей, которые были навезены из Германии. Тетя относилась ко мне хорошо, сшила мне необходимую одежду из материи, оставшейся от заказчиков. Сама была статная, русая, круглолицая красавица, какие бывают только на Руси, с мягкой очаровательной улыбкой и большими добрыми глазами. В нашем доме на втором этаже жил командир эскадрильи. Его жена Катя дружила с тетей Галей. Когда они собирались вместе, то говорили о моей судьбе, осуждали моих родителей и особенно маму за то, что я вынуждена скитаться по родственникам, а не воспитываться родными родителями. Тетя меня брала в баню, мыла и улыбалась, что я теперь чистая, и кудряшки мои еще больше завиваются. Она ко мне относилась как к родной дочери, своих детей у тети с дядей пока не было. Я познакомилась со всеми девочками и мальчиками нашего двора. Мы играли, как и все дети в то время, в прятки, в лапту, скакалки, классики. Мальчишки носились по тротуарам на самокатах. Особенно любили мы лазать по развалинам домов, которых было много вокруг. В конце нашего двора стояло десятиэтажное здание, от которого остался после войны один остов. Мы искали в его развалинах какие-то стеклышки, мелкие осколочки вещей и собирали коллекции. У меня

есть старая фотография, на которой запечатлен остов этого здания. Теперь на его месте давно стоит новое. К нашему дому примыкали останки более высокого здания, которое уже в мирное время на наших глазах аккуратно подорвали, территорию расчистили, весь мусор вывезли и на его месте построили новое. Трудно было поверить, что еще совсем недавно город был в оккупации и в нем хозяйничали немцы со своими правилами, условиями, порядками.

У дяди имелся трехколесный мотоцикл с люлькой. Дядя носил черное кожаное пальто, большие черные перчатки, хромовые сапоги и летную шапку. В то время ему было 36 лет, но седина пробивалась на его висках, а волосы были гладкие и коротко стриженные. Бабушка говорила, что до войны у него была пышная шевелюра густых волос, но невзгоды военных лет оставили свой отпечаток. В семье дяди велась интересная, по тем временам, светская жизнь. У него было много друзей из среды летчиков и обслуживающего персонала авиации. Все они – жизнерадостные, здоровые и боевые. Часто по выходным с семьями уезжали за город на пикники. Излюбленным местом для отдыха была река Ирпень в Киево-Святошинском районе. Там на песчаном берегу среди плакучих ив располагалась табором веселая компания. На траве образовывались скатерти-самобранки с закусками, фруктами, пивом. Ребятишки резвились в песке и заводи, плавали на спине у взрослых, играли в мяч. Брали с собой патефон, и раздавались по округе веселая «Рио-Рита», «Эх, Андрюша», «Челита» и другие. Вечером все дружно с песнями возвращались домой на служебном автобусе. Иногда дядя брал жену и меня на аэродром показать, как он летает. У него был большой самолет, мотор заводил моторист вручную. Дядя залезал в кабину, задвигал стекло над головой и нажимал на панели управления нужные рычаги и кнопки. Самолет разогнался по взлетной полосе, затем взлетал, набирая высоту. Мы следили, как он кружит над аэродромом. Я гордилась дядей, он был смелый и красивый в летной форме. Такие самолеты и летчиков сейчас можно увидеть только в старых фильмах периода Великой Отечественной войны. Дядя получал хороший летный паек, в который входили такие ценные по тому времени продукты, как тушенка, сгущенное молоко, какао, шоколад, крупы. В семье это было хорошим подспорьем. Бабушка старалась ему приготовить всегда свежее питание, так как боялась за его здоровье, у него была язва желудка – профессиональное заболевание летчиков. Кроме пикников, излюбленным увлечением дяди были рыбалка и охота на дичь. На рыбалку, как правило, ездили на Днепр или его притоки, охотились в лесах и на водоемах пригорода Киева. Бабушка жарила карасей и судаков, варила уху из щуки. Диких уток или кабанятину дядя готовил сам. Очень нравились мне прогулки по вечернему Киеву. Дядя Толя сажал в коляску мотоцикла тетю Галю, она брала меня к себе на колени, и мы разъезжали по улицам ночного города, любуясь освещением, рекламой, иллюминациями. Город тогда был небольшой. В нем проживало всего полмиллиона жителей. Мы катались по набережной Днепра, по Подолу – древнему району Киева, где проживало в основном еврейское население. Затем дядя вез нас в Киево-Печерский район с множеством исторических зданий и памятников, оттуда на разрушенный войной Крещатик, который начал отстраиваться силами пленных немцев. Улицы Киева выложены камнем-брусчаткой, как мозаикой. И только она незначительно пострадала от разрушения. Интересно прокатиться и по Владимирской улице. Она тянется от Владимирской горки, через площадь Богдана Хмельницкого, мимо Софийского собора, Золотых ворот, Театра оперы и балета им. Тараса Шевченко, государственного университета и далее через весь город до железной дороги. По обе стороны улицы скверы, цветники и парки, скамейки для отдыха, под тентами ларечки с мороженым и прохладительными напитками. Бабушка и дедушка часто водили меня в парк на Владимирскую горку. Там всевозможные детские качели и карусели, площадки для детских игр. С Владимирской горки открывается широкая панорама на Днепр и противоположный берег с окрестностями Киева. Берега Днепра белые песчаные, как будто сахарные. На противоположном берегу городские пляжи и зона отдыха киевлян. Построены красивые мосты, гидропарк. Но это все сделано позже. А в 1946 году на противоположный берег переправа была затруднена, так как мосты

взорвали при отступлении немцев. На Владимирской горке стоит памятник Святому Владимиру с крестом в руке, который более тысячи лет назад крестил в Днепре киевлян и по сей день напоминает народу о великой христианской вере. Отсюда и начиналась застройка древнего Киева. Он высится над Днепром на высоте около 120 метров. Чтобы спуститься на набережную реки или подняться в город, необходимо по извилистой дорожке идти, огибая холмы и возвышенности, покрытые деревьями и входящие в зону парка. Это нелегкое занятие, особенно для немолодых людей. Но для этого в Киеве есть прекрасный фуникулер – ценное изобретение конструкторов. Маленькие двухступенчатые вагончики бастро поднимаются и спускаются на рельсах по канатам вверх и вниз, делая конечные остановки в красивых павильонах. Спустившись к Днепру, попадаешь на Подол, старый рабочий район Киева. В то время Подол выглядел бедно и грязно, хотя там много исторических памятников, церквей и монастырей. На Подоле жили и писали свои произведения в свое время А. И. Куприн, М. А. Булгаков и другие знаменитости. Но мы туда раньше не ходили. Мы любили старый Киев, тот, который на горе, где жила большая часть населения города, восстанавливались после войны промышленность, культура, образование, наука, управление и проживал цвет Украины. Любила я ходить с бабушкой или дедушкой в парк «Золотые ворота», где стоит фрагмент каменной крепости, построенной во времена набегов печенегов и кочевников. В парке зеленые подстриженные газоны, пышные буковые и каштановые деревья, фонтанчики и много другой отрады для души. Особенно красив Киев весной. По всем улицам, паркам и скверам цветут каштаны. Бело-розовые свечи их цветов на фоне густой много-стрельчатой зелени листьев вызывают восторг и дарят незабываемое зрелище поистине райской природы тех мест. Особое благоухание источают островки цветущей природы вокруг храмов и монастырей, которых в Киеве множество. Владимирский собор, Софийский собор, Киево-Печерская лавра, Андреевская церковь и другие утопают в зелени и цветах редких ботанических пород, привлекая желающих отдохнуть среди их благоухания. Однако в городе было много руин, оставленных войной. Почти весь Крещатик, многие здания, учреждения, предприятия были взорваны и сожжены фашистами при отступлении. Город восстанавливался силами военнопленных, которые разбирали развалины и заново строили еще более красивые здания и сооружения. Пленные немцы состояли из молодых солдат и офицеров. Они были худые, на ногах деревянные колодки, на головах военные фуражки. Когда их вели строем на работу и с работы, то деревянные колодки громко стучали о каменную мостовую, стук разносился далеко и гулко. Кормили пленных плохо, а работа у них была тяжелая. Многие из них умирали от болезней и непосильного труда, отдельные кончали жизнь самоубийством, не дождавшись возвращения на родину. Я видела, как несколько раз к нам забегали пленные немцы и просили чего-нибудь покушать или меняли хозяйственное мыло на хлеб. Мыло и хлеб у нас тоже выдавали по карточкам. Бабушке жалко было несчастных военнопленных, и она кое-чем их кормила. Говорила, что немецкие солдаты не виноваты в том, что их послали на гибель генералы во главе с Гитлером.

С подругами постарше меня отпускали в кинотеатры. Тогда мы смотрели кинофильмы «Трактористы» с Николаем Крючковым, «Первоклассница» с Наташей Зацепиной и Тамарой Макаровой, «Цирк» с Любовью Орловой и другие. Уже начали созреть каштаны. Их коробочки трескались, и глянцево-красные плоды со стуком падали на тротуары.

Лето заканчивалось. Меня определили в женскую школу, что на Ирининской улице, во второй класс. Мне казалось, что я уже взрослая. На самом же деле я была худощавая, бледная, плохо ела, но энергии – хоть отбавляй. Бабушка решила меня обследовать в поликлинике и заодно собрать медицинские справки в школу. Оформляя меня в школу, бабушка намучилась со мной, особенно когда я отказалась наотрез делать прививочный укол против дифтерита. Без прививки не давали медицинскую карту, а без карты не принимали в школу. Бабушка всячески меня умоляла и уговаривала сделать укол, а я боялась и упиралась. Наконец мне пришлось согласиться, так как дедушка пообещал вздуть меня ремнем. К школе все было приготовлено

согласно требованиям. Дедушка сшил мне портфель из куска дерматина от старого чехла для самолета, который дядя принес специально с работы. Школьно-письменные принадлежности мне купили.

Глава четвертая

Украина. Школьные годы чудесные...

И вот наступил день, когда я торжественно пришла во второй класс Киевской женской средней школы № 38. Школа была недалеко от дома. Вначале нужно пойти по Владимирской, а через квартал повернуть влево на Ирининскую улицу. Справа, через несколько домов, – наша школа в многоэтажном здании с двориком. Классы светлые, большие. Учительница стройная, высокая, одета как классная дама. Я не помню, как ее звали, она казалось недоступной, но вместе с тем уважаемой детьми и родителями. Основным языком был русский. Украинский преподавали как дополнительный. На переменах бегать не разрешалось, говорить только вполголоса. Здраваться принято было со старшими независимо от того, знакомые они или нет. У меня в классе появились подруги, с которыми мы вместе делали уроки, гуляли в свободное время на улице, заходили в магазины посмотреть на всевозможные книги, письменные принадлежности, игрушки. В школе нас ежедневно кормили обедом. Я только начала привыкать к интересной школьной жизни, как мне сказали, что скоро мы переедем на новое место, и у меня будет другая школа. Однажды к нам приехал пожилой мужчина с усами и кожаным портфелем. Фамилию его теперь не помню, только помню, что польская. Он достал из портфеля какие-то бумаги, долго разговаривал с бабушкой, затем они любезно пожали друг другу руки, и пожилой мужчина ушел. Оказалось, что дедушка оформлял куплю части дома в Боярке, дачном месте по Юго-Западной железной дороге, недалеко от Киева, в тридцати минутах езды на поезде. Это историческое место, где самоотверженно работали комсомольцы тридцатых годов, строя узкоколейку под руководством Николая Островского, автора романа «Как закалялась сталь». В Боярке и до Октябрьской революции бывало много знаменитостей. И. Я. Франко, М. В. Лысенко жили и творили здесь свои произведения, их фамилии носят улицы Боярки.

И вот в зимние каникулы меня перевезли в Боярку. Нам принадлежала третья часть шестикомнатного дома, жильцам предоставили три равные доли, каждая состояла из двух одинаковых по площади комнат и большой застекленной веранды, с отдельным входом и небольшим участком земли для палисадника. Дом наш был под номером девять по Октябрьской улице. Хозяйка Анна Фоминична рассказывала, что он некогда принадлежал священнику. Окна нашей части выходили на улицу, на противоположной стороне которой был сельсовет. Это нас устраивало, так как после войны в селе было множество грабежей и разбоев, особенно на окраине. Мне очень понравилась Анна Фоминична. Бабушка говорила, что она похожа на персиянку. У нее был горбатый нос, сама чернявая, и на верхней губе усики. Анна Фоминична была на редкость благородная, интеллигентная, просвещенная старушка. Муж ее вскоре после продажи части дома умер, сыновья редко навещали ее, и она подружилась с моей бабушкой. Анна Фоминична давала мне читать старинные детские книги «История маленького лорда», «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле, сказки Ганса Христиана Андерсена. У нее было три черных кота, с белыми грудками и лапками: Пуфик, Руфик и Лютик. Она любила сидеть на ступеньках веранды в окружении своих пушистых домочадцев. У Анны Фоминичны была дальняя родственница по мужу, которая работала медсестрой в поездах дальнего следования. Между поездками по работе эта родственница ее навещала, останавливалась пожить. Один сын Анны Фоминичны жил с семьей в Киеве и приезжал в Боярку только на лето, для него была приготовлена свободная часть дома.

Школа, в которой я стала учиться, была за железнодорожным переездом, она и называлась железнодорожной школой. Здание старинное, до революции в нем размещался детский приют, а потом находился комсомольский штаб Павки Корчагина, который строил железнодорожное полотно через бор, чтобы подвозить зимой дрова в разрушенный революционными действиями и гражданской войной, неотопливаемый Киев. Внутри здания школы было уютно и

тепло. Классы в основном расположены на первом этаже, второй этаж представляет собой большую мансарду с физкультурным залом. Вокруг школы большой двор, на территории которого растут реликтовые деревья. Большими окнами здание смотрит на улицу, ведущую к железной дороге. У дверей огромные многовековые дубы и сосны. Они стоят и сейчас, хотя с тех пор прошло более пятидесяти лет. С задней стороны школы – также многовековой лиственный лес. Со временем на территории построили музей Николая Островского, установили памятник, а школу назвали его именем.

Меня посадили за первую парту. Я отличалась от остальных учеников опрятным видом, была причесана и с бантом на голове. На мне были американские вещи, которые дедушка получал для своей семьи в качестве гуманитарной помощи, как персональный пенсионер. Несколько девочек и мальчиков также были аккуратно одеты, чистые и причесанные. Большинство же детей носило старую одежду с чужого плеча, девочки повязывали на головы платки, а на ногах – самодельные чуни, напоминающие калоши, с бурками или валенками. У большинства детей отцы погибли на фронте, матери одни воспитывали по несколько ребятишек. Ученики рассматривали меня с любопытством, но быстро привыкли и стали относиться весьма доброжелательно. Обучение в школе было на украинском языке. Я понимала по-украински, но разговаривать и отвечать уроки, тем более писать изложения, мне было трудно. Дети разговаривали на украинском наречии, русский язык резал им слух. Поэтому меня стали дразнить кацапкой, тем более украинцы, особенно в селах, с детства воспитывались в духе национализма. Приходилось терпеть и преодолевать трудности. Бабушка нашла мне репетитора, пожилую учительницу, которая занималась со мной на дому по программе второго класса на украинском языке. Мою учительницу в школе звали Анастасия Петровна. Ей было лет двадцать пять. Красивая, стройная, с высоко зачесанными волосами. Анастасия Петровна относилась к детям ласково, спокойно, по-доброму, за что мы ее любили. Она старалась понять каждого ученика, войти в его положение. Большинство детей голодало, хлеб продолжали давать по карточкам. У нас в доме было как-то еще терпимо. Бабушка старалась изо всех сил экономно приготовить еду. Дедушка получал персональную пенсию, подрабатывал дома в мастерской, получал кое-какие льготы. Как персональному пенсионеру, ему давали несколько раз американскую гуманитарную помощь, продовольственную и вещевую. Я тогда уже знала, что такое жевательная резинка, которая присутствовала в каждой упаковке с продуктами, куда входили консервированная колбаса, тушенка, сгущенное молоко, галеты, сахар и прочее питание. Кое-чем нам помогал дядя Толя. Все это нас спасло от голода.

Из-за отсутствия мыла, элементарных бытовых условий население страдало от вшей. У всех учеников поголовно были вши в волосах и белье. Даже у Анастасии Петровны волосы белели от множества гнид, которые обильно усеивали ее виски. Это была норма жизни. Бабушка постоянно боролась с моей вшивостью с помощью раскаленного утюга, проглаживая белье после кипячения, намазывала керосином или политанью волосы, отчего на коже головы оставались ожоги. Я плакала, но других средств борьбы с педикулезом не было. Однако все усилия борьбы с насекомыми оказывались тщетными. При контакте с учениками в школе я приносила домой все те же проблемы. У меня была подруга Неля Марьянская – полячка. Когда она приходила ко мне, чтобы делать вместе уроки, то свое пальтишко оставляла на пороге. Мы с бабушкой не могли понять, почему она так делает? Оказалось, что у Нели в этом пальтишке было очень много вшей, которых невозможно вывести, только оставалось его сжечь вместе с насекомыми. Чтобы вши не переползли на наши вещи, Неля не хотела вешать свое пальто на вешалку, а оставляла его на пороге. Однажды Неля попросила мою бабушку, чтобы она разрешила мне переночевать у них дома, так как мать и брат уехали к родственникам в другой город и вернутся только на следующий день. Неля жила недалеко от нас, и я согласилась с разрешения бабушки выполнить просьбу подруги. Неля с мамой и братом жили в небольшой комнатке. Над кроватью висела большая икона Матки Боски в красивой раме. Я долго не могла

уснуть, вертелась с боку на бок, а сон не приходил. Меня кусали насекомые, и я, посмотрев на икону, стала еще больше бояться. Когда мне стало совсем жутко в чужом месте, я встала и побежала домой. На улице никого не было, ярко светили луна и звезды. Открыв калитку, я вбежала в дом и только тогда успокоилась и крепко уснула.

Раз в неделю по субботам Анастасия Петровна приносила коробку с пряниками и карамелью без оберток. Она выдавала каждому ученику по два пряника и по две конфеты, это было поддержкой для голодных детей, которые не видели сладостей и едва ли по утрам имели возможность что-то покушать дома. Некоторые дети бережно заворачивали в бумажку гостинцы, чтобы отнести домой для своих младших братишек или сестричек. Иногда дети подолгу не ходили в школу, особенно те, кто жил далеко, на окраине Боярки, которая называлась Будаивкой. Многим детям зимой или в половодье нечего было надеть и обуть, поэтому они не выходили из дома. Нередко иные родители заставляли своих детей зарабатывать на пропитание семьи.

Так Галя Дударь часто пропускала уроки, вместо них она торговала семечками на вокзале. Алена Крамныця просила милостыню с мамой по вагонам. Саша Деркач уезжал с отцом за дровами и помогал ему пилить деревья и грузить их на подводу. Население на Украине очень верующее, и никакие убеждения советских атеистов на них не действовали. Дети постоянно ходили в церковь вместе со взрослыми и почитали все церковные праздники. Я тоже ходила с девочками из нашего класса в церковь по праздникам. Она была в Боярке деревянная, большая, стояла на пригорке у пруда. Вокруг церкви старинное кладбище девятнадцатого века, о чем свидетельствуют гранитные надгробия. Похоронены на этом кладбище известные люди того времени: духовного сана, писатели и государственные чиновники. В то время рядом с церковью стоял полуразрушенный польский костел. Его восстанавливать не стали, а убрали совсем. В этой церкви позже я крестилась сама в возрасте 29 лет и крестила своих сыновей 6-ти и 3-х лет, Дмитрия и Андрея. Когда я училась во втором классе, мы с девочками-одноклассницами пошли в Вербное воскресенье в церковь. Отстояли службу. Батюшка освятил вербу, причастил нас, и мы пошли домой. По дороге нас встретили мальчишки, исхлестали до слез по ногам и рукам прутьями вербы, и мы в синяках еле убежали от них. Бабушка сказала, что это нам устроили вербное крещение, чтобы мы надолго запомнили, как ходить одним.

В нашем классе была ученица Валя Ермоленко. Жили они в одном доме с Нелей Марьянско́й. Валя жила с мамой и младшей сестрой Раей очень бедно. Порой у них не было ни хлеба, ни картошки. С ними по соседству проживала одинокая старушка баба Хрестя, которая любила рассказывать детям всякие страшные истории. Валя, бывало, наслушается бабушкиных сказок о привидениях и мертвецах и рассказывает на уроке у доски, клянясь, что она сама все это видела и слышала. Учительница слушала ее с расширенными глазами, то ли удивлялась артистическим способностям своей ученицы, то ли и впрямь верила. А мы со страху дрожали и не могли оторваться от страшных историй. Иногда мы собирались с подругами и устраивали театр во дворе. В ход шли платья мам, тюлевые занавески, покрывала. Мы наряжались в длинные платья, делали пышные прически, мастерили вееры, использовали что придется для косметики и все хотели быть взрослыми красавицами, барышнями или сказочными феями. Зимой бегали на пруд кататься на коньках, которые привязывали к валенкам. Катаешься по льду, вокруг стоят украинские хатки со светящимися огоньками окон, отражающихся в зеркале льда. У многих хаток соломенные крыши, из трубы дым идет. Кругом белым-бело от пушистого снега, тишина. Иногда слышны скрип двери или лай собак. На горке темнеет высокий силуэт церкви. На звездном небе блестит молодой месяц. Чем не гоголевская «Ночь перед Рождеством»!

Боярка довольно большое село, имеющее две части – центральную, с тем же названием, и окраинную, которая более холмистая, с названием Будаивка. Центр Боярки ближе к железнодорожному вокзалу, построенному в 1903 году. На вокзальной площади магазины, ларьки и палатки. Через железнодорожное полотно перекинут высокий мост. От привокзальной пло-

щади улицы расходятся в разные стороны. Главная – Карла Маркса, но ее принято называть Крещати́ком. На этой улице много старинных домов с красивой архитектурой. Здесь проживала интеллигенция села, находились поликлиника, аптека, детские оздоровительные лагеря и санатории. Природно-климатические условия местности позволяли создавать лечебную и оздоровительную базу для людей, страдающих заболеваниями легких, сердечно-сосудистой системы, кожи, поэтому вокруг Боярки в сосновых и лиственных лесах много санаториев и домов отдыха. Вдоль железной дороги улица идет на Тарасовку – развивающийся промышленный центр – и далее до Киева. А если поехать в противоположную сторону, то попадешь на переезд, за которым наша улица Октябрьская, слева от нее базар, а если возьмешь правее, то попадешь на центральную улицу Будаивки, носящую имя Тараса Шевченко. На этой улице сельский клуб и памятник великому украинскому поэту и писателю. От главных улиц в разные стороны ответвляется множество более узких улочек, переулков и тупиков. Дома в Боярке белые, стены мазаные. На окнах наличники и ставни покрашены в голубой цвет, двери и веранды – в зеленый, а косяки дверей также обведены голубой краской. После войны крыши на многих домах были соломенные, у некоторых на окнах не было ставней, полы земляные, да и заборами не все дворы были огорожены.

Постепенно село стало преобразовываться после войны. Почва в Боярке песчаная, поэтому на некоторых улицах приходится просто «плавать» по песку. Он попадает в обувь, тем самым вызывая неприятное ощущение. Зато после дождей грязи не бывает, так как влага моментально уходит в песок, как через сито. С западной стороны Боярки и Будаивки проходит каскад старинных прудов, которые за железной дорогой уходят в низину и прячутся в лесах. На окраине в реликтовом лесу – Государственная станция по выращиванию лесных пород деревьев, единственная во всей Украине, поставляющая саженцы и семена в различные местности нашей страны и за ее пределы. Напротив, через железную дорогу, с довоенных лет расположен детский дом, который после войны был переполнен сиротами. Жители села ходили в национальных костюмах. Женщины в спидницах, кофтах и хустках утром несли сулеи с молоком или корзины с фруктами и овощами на базар продавать. Мужчины в жупанах или кафтанах, шароварах, сапогах и шляпах везли товар на телегах издалека. На Рождественские праздники местные ребятишки колядовали. На Масленицу ходили ряженые, женщины в мужской одежде, а мужчины в женской, с ярко намалеванными щеками. Что меня удивило, в некоторых дворах были захоронения и стояли высокие деревянные кресты. Видимо, эти захоронения были сделаны во время войны. Свадьбы справляли по национальным обычаям, в праздничных украинских костюмах, с венками на голове и яркими лентами. Гуляли несколько дней, очень много народу. Столы накрывали в саду. Сады на Украине изобилуют разными фруктовыми деревьями и ягодными кустарниками. В период созревания клубники аромат распространяется по всем улицам. Там клубнику называют «виктория». Самая крупная ягода бывает с куриное яйцо. В июне ею завален весь базар, в это время она дешевая и свежая, можно покупать на варенье и поесть. В июле рдеет на деревьях вишня. Ценится сорт вишни «шпанка». Она крупная, с маленькой косточкой, темно-бордового цвета, как раз на варенье. В августе сады распространяют аромат слив, груш, яблок. Запах фруктового ассорти в сочетании с теплом и тишиной создает впечатление пребывания на земле обетованной. В садах и полисадниках яркие цветы, здесь особенно любимы астры, георгины, мальвы и особенно бархатцы – по-украински чернобривцы. Во многих садах растут грецкие орехи, которые нередко дают хороший урожай.

Прошли зимние каникулы, новогодний утренник в школе. Дни стали увеличиваться. Дедушка сделал скворечники и прибил на кленах и буках под окном. Посеяли в баночках рассаду. Ранней весной дедушка посадил фруктовые деревья: яблоньки, груши, сливы, вишни. Старую сирень после цветения вырубил. Места было мало, но бабушка посадила и свои любимые цветы: душистый табак, астры, матиолу, петунию, настурцию. Так как приусадебный участок был небольшой, дедушка взял огород под картошку в лесу за школой, где люди еще во

время войны выращивали урожай. До огорода идти далеко, но ближе ничего не было. Дедушка и бабушка брали меня с собой. Они копались в земле, а я играла в лесу. Там часто можно было наткнуться на старые фугасные снаряды, каски, котелки, человеческие черепа и кости погибших бойцов. Со времени окончания войны прошло всего лишь два года. Иногда мы ходили в лес за еловыми и сосновыми шишками для разжигания печки и нагревания чугунного утюга. Электрический утюг у бабушки появился позже. Она часто шила для семьи и особенно для меня одежду, поэтому утюг в доме был необходим. Для постельного белья, полотенец и крупных холщовых вещей у бабушки имелись специальные деревянные валики, которыми она разглаживала белье и раскатывала по-деревенски. Весной в лесу стали появляться первые цветы, и мы с девочками ходили за сон-травой, это такие сиреневые цветы с желтыми серединками и пушистыми стебельками и лепестками, с нижней стороны они закрываются на ночь, отсюда и название. Наступили теплые майские дни. В школу мы ходили раздетыми, на переменах во дворе играли в прыгалки и лапту. На краю Боярки был огромный колхозный сад. Он есть и сейчас. В нем росли большие яблони и груши. Весной нас водили в сад убирать мусор, окапывать приствольные круги, собирать гусениц и личинок вредителей садовых насаждений. Учителя готовились к летним каникулам. Мы с классом ходили в лес знакомиться с родной природой. Учебный год закончился школьным концертом, нам выдали табели с оценками и попрощались до осени.

Началось голодное лето 1947 года. Мы все были худые, а взрослые – просто изможденные. Ходило много нищих по улицам и просили хлеба. Но хлеба самим не хватало. К нашей калитке подходил иногда слепой старичок, оборванный и с котомкой за спиной. У него была маленькая деревянная дудочка, по-украински сопилочка, на которой он играл. Заслышав звук дудочки, дедушка выносил нищему что-либо из еды, вареную картошку или кусочек хлеба, за что слепой благодарил, молился и уходил дальше просить подаяния. Я бывала часто у подруг и видела, как большинство из них нуждаются в еде и одежде. Многие ели суп из лебеды и крапивы, заправленный старым салом или постным маслом, кто-то ел мурцовку – черный хлеб с водой и луком. У нас тоже стало голодно. Бабушка варила овсяную кашу, которую я не любила, меня тошнило от нее. Однажды она сказала, что с завтрашнего дня будет варить картофельные очистки и заправлять их отрубями. Такое блюдо делали обычно пороссятам. Но бабушка и правда приготовила для нас эту тюрю. Мы бродили по лесам и полям, собирали дары природы и ели калачики, дикий чеснок, стебли осоки, ягоды и тем самым спасались от голода и авитаминоза. Иногда мы с Нелей Марьянской бегали на окраину Будаивки, где ее мама работала на кухне в туберкулезном санатории. Она выносила нам тарелки с едой, и мы в кустах ели с удовольствием борщ, фасоль с мясной подливой, компот, пирожки. Домой возвращались сытые, довольные и веселые. По пути бросали в пруд камешки, бродили по старинному кладбищу, которое на горке у пруда, затем шли по улице Ивана Франко до церкви, а там до наших домов рукой подать. Дружила я еще со Светой Федуловой и Ниной Солнышкиной, что жили у станции, а также с Нелей Сигидой и Нелей Сулемой, дома которых за железной дорогой у самой школы. Недалеко от нас жила большая, очень бедная семья, у них было много детей. С одной из девочек – Нюсей – я дружила. Старшая сестра Нюси, лет пятнадцати, уже работала в Киеве. Остальные дети были маленькие. Хата у них мазаная, с соломенной крышей, полы земляные. Спали они в основном на печке или лавках, которые стояли вдоль окон. Окна были маленькие, без ставней. К ним ходил мальчик из еврейской семьи, звали его Петя. Он был очень болезненный и тихий. Чей он был, не знаю. Дальше по этому же переулку жили Нина Дворянчик и Люба Заика, которые учились в нашем же классе. Однажды, еще перед Новым годом, я клеила из бумаги новогодние игрушки на елку и решила позвать Нину, чтобы вместе делать игрушки. Утром я побежала ближайшей тропинкой к Нине. Вдруг вижу на снегу мертвого, совсем раздетого мужчину. Я в страхе вернулась домой и рассказала дедушке. Он сообщил в сельсовет о происшествии. Оказалось, что мужчина приехал ночью к родственникам из другой местно-

сти. На переезде, куда он обратился, его послали в ясли неподалеку, переночевать до утра, а затем найти родственников. Сторож польстился на скудный скарб заночевавшего, убил его и с помощью своего сына отнес тело к чужим домам, чтобы отвести от себя подозрение. Однако преступление было раскрыто.

Хлеб давали по карточкам в хлебной лавке Кучменко, это фамилия директора, которого все знали и уважали. Очередь занимали рано утром задолго до открытия. Хлеб привозили горячий и душистый. Пахло на всю улицу. Когда подходила очередь, продавец брал карточки, отрезал ножницами количество талонов, в зависимости от состава семьи на текущий день, и после этого взвешивал положенную норму покупателю. Хлеб был только черный или серый «кирпичиком». Утерянные карточки восстановлению не подлежали, поэтому их носили завернутыми в носовой платочек или тряпочку на теле, как крестик. Хлебная лавка в Боярке носит имя Кучменко и по сей день, хоть прошло с тех пор более полувека. Многие люди не выдерживали голода и умирали от истощения и болезней. Боярских покойников проносили по нашей улице Октябрьской, так как она была центральная, а кладбище находилось на территории Будаивки. Мы принимали участие почти в каждой похоронной процессии. По пути на кладбище узнавали всякие новости, поминали покойников кутьей, а иногда получали кусочек хлеба или конфету. Домой возвращались не спеша, тихие и умиротворенные. Однако потом я долго боялась темноты. Тогда я удивлялась, почему люди умирают? Мне казалось, что я никогда не умру. Мне почему-то было больше жалко стареньких, чем молодых, смерть которых казалась нелепостью.

Весной 1947 года начали возвращать на Родину немецких военнопленных. Они ехали в товарных вагонах, украшенных березовыми ветками, махали нам своими фуражками, улыбались от радости, что уцелели и скоро вернутся домой к родным. Поезда шли на запад, унося живых свидетелей страшной войны, врагов, оставивших нам голод и разруху. Похоже, что пленных отправляли в Германию не потому, что они восстановили в полной мере то, что разрушили, а потому, что их нечем было кормить, дай Бог самим бы не умереть с голоду.

Глава пятая

У мамы в Виннице

Июнь, как правило, самый голодный месяц, тем более в голодный год. Меня решили отвезти к маме в Винницкую область, потому что старикам стало самим до себя, а я требовала питания, ухода, родительского внимания. Дедушка, используя свой льготный билет железнодорожника, повез меня к маме, которая с семьей переехала из Ольчедаева в Муркуриловецкий район той же Винницкой области. Илью Семеновича перевели в Муркуриловецкий районный комитет КПСС заведующим организационным отделом, мама работала там же. Еще в Ольчедаеве в октябре 1946 года у мамы родилась дочь Лиля. Теперь они с тремя детьми – Светой, Юрой и Лилей – стали жить в районном центре Винницкой области в Муркуриловцах. Поезд из Киева привез нас на ту же железнодорожную станцию Катюжаны, где я уже однажды была. От Катюжан в Муркуриловцы можно было уехать только на грузовой машине, на которую мы опоздали. Поэтому мы с дедушкой заночевали в какой-то семье неподалеку от станции. На другой день в кузове грузовой бортовой машины отправились по своему адресу. Ехали долго, кругом засеянные поля, сады, деревни. На полях ветряные мельницы. Наконец свернули в населенный пункт. Дома бедные, с соломенными крышами. Мой детский взгляд остановился на крайнем домике слева. Я подумала, что, наверно, это тот самый дом, где живет моя мама. Машина поехала дальше, к площади, где конечная остановка. Подъезжая к площади, мы с дедушкой увидели маму. Она быстро шла по краю дороги на работу. Мама была очень худенькая, но опрятно одетая и причесанная. Она отличалась особым обаянием, всегда была современная, модная и красивая. В то время ей было 37 лет. Дедушке стало жалко дочь. Он, несмотря на свой преклонный возраст, быстро спрыгнул с машины, я за ним, и мы бросились к маме. Она заплакала, прослезился и дедушка, который сказал маме, что, видно, ей нелегко живется, потому она такая изнуренная. Мама повела нас домой, и я поняла, что мое предчувствие в отношении дома меня не обмануло. Этот самый бедный домишко на окраине действительно был мамин. Дом состоял из одной комнаты и сеней. Две военные койки, детская люлька, стол и табуретки. В сенях топчан, на котором тоже спали. Кроме того, в углу сеней жила коза, детям нужно было молоко. Условия гораздо хуже, нежели в Ольчедаеве. Правда, приусадебный участок земли был достаточно большой, и все, что надо, можно выращивать на нем. Мама и Илья Семенович целый день были на работе. Все дела по дому и с детьми лежали на тринадцатилетней Светлане. Юрику было два с половиной года, а Лиле девять месяцев. Дети больные и истощенные. У Юры колит, у него выпадала прямая кишка сантиметров на пять. Она была красная, налитая кровью, и зеленые мухи, облепив ее, сосали кровь. Это было больно, и ребенок страдал постоянно, но никогда не плакал, так как привык. Юра ходил без штанов, босиком. Света вправляла кишочку Юре его же рубашонкой, но это было ненадолго. Юрочка был очень красивым мальчиком. Светлые волосенки завивались кольцами, глаза голубые. У грудной Лили – кости и кожа. Она лежала на спине, никогда не плакала и не заявляла о себе.

Думали, она не выживет. Надо сказать, что Света – на редкость самоотверженная сестра, каких мало. Сама по сути ребенок, она изо всех сил старалась выхлестывать тяжелобольных брата и сестричку. Есть, практически, было нечего. Мама иногда забегала домой, чтобы хоть чем-то покормить ораву детей. Коза давала молока очень мало, так как ее тоже надо было кормить. Света часто доила ее, в надежде что-то выдавить для малышек, но тщетно. Рядом с нами был старый колхозный фруктовый сад. Черешня к моему приезду сошла. Начали поспевать ранние яблоки, называемые медовыми за их сладкий вкус и нежную мякоть. Мы лазили в этот сад, чтобы нарвать яблок, и нам это удавалось, несмотря на то, что сторож ругался и прогонял нас. Но после яблок кушать хотелось еще больше, так как они вызывают аппетит. Света убиралась по дому, носила из колодца воду, стирала пеленки, пеленала Лилю, переодевала Юру,

варила покушать, чтобы покормить детей. Кроме того, мама давала ей каждый день задание прополоть, полить грядки, окучивать картошку и все прочее. Когда меня привезли к маме, мне тоже дали задание по уходу за огородом. На следующий день после приезда дедушка пошел на базар посмотреть на цены и купить что-либо домой. Он принес глиняный горшочек топленого масла. Света сварила кашу и сдобрила ее маслом, которое дедушка купил в дорогу. Дедушке это очень не понравилось. Когда он уехал в Киев, жизнь потекла по-прежнему.

Света оставалась за старшую. Белья и пеленок для детей не хватало. Поэтому мои красивые платица и кофточки, сшитые бабушкой с любовью и фантазией, использовались в качестве пеленок. Я очень переживала разлуку с бабушкой. Мне здесь не нравилось. Наверно, потому, что я росла одна, и мне одной уделяли много внимания и ласки. А маме, в многодетной семье, было не до меня. Все мы были предоставлены сами себе. Я хотела, чтобы за мной приехали и увезли в Киев. Часто смотрела вдаль, и мне казалось, что вот за тем лесом, если идти прямо, никуда не сворачивая, можно отправиться в Киев пешком и броситься в объятия к бабушке. Я строила планы побега, но у меня не было уверенности, что достигну цели. Тогда решила написать бабушке письмо и в нем выразить крик своей души. Письмо я написала, в нем изложила всю трагедию своего существования. Но главное в том, что я не знала адреса и не могла отправить письмо по почте. Света перехватила мое письмо, прочитала и отдала маме со злорадством. Я получила взбучку и поняла, что сама ничего не смогу изменить в текущей ситуации, а буду надеяться на чудо.

Когда я, будучи уже взрослой, прочитала книгу Н. Андерсена «Дитте – дитя человеческое», то сравнила судьбу Светы и особенно ее детские годы с тяжелой жизнью героини этого произведения. С утра, взвалив на спину узел грязных пеленок и детского белья, Света вместе со мной шла на ставок (пруд), который был далеко за полем, чтобы постирать и высушить для дальнейшего использования. Мы шли голодные, но зато мечтали вслух, что бы мы сейчас покушали. За разговором и фантастическими картинками время шло быстрее, а голод незаметнее. На ставке Света опускала узел в воду, чтобы отмокали пеленки, а мы тем временем собирали какую-нибудь травку и ели с удовольствием. Особенно вкусны очищенные корешки осоки. Иногда нам удавалось поймать маленькую рыбку или рака, тогда дома можно было сварить и съесть. Света стирала детское белье, тут же полоскала и развешивала на кустах посушить. Тем временем мы отдыхали на берегу. Земля была очень теплая. Пахучая трава поила ароматом знойный летний воздух. Небо казалось высоким, а белые воздушные облака в виде фигур медленно проплывали над нами. Света складывала просохшее белье в наволочку, оно теперь было намного легче, и мы возвращались домой быстрее. Дома дети были одни, ждали, когда к ним кто-нибудь подойдет.

Тяжелая обстановка была не только в нашей семье. Некоторые жители переносили трудности еще более тяжелые, чем мы. Хлеба не было совсем, его не давали даже по карточкам. Постоянно то тут, то там хоронили людей, умерших от голода. Они были распухшие и отечные. Хоронили молча, за гробом почти никто не шел, некому было и не было сил. Винницкая область долго была в оккупации. Поэтому скот, продовольственные запасы были давно съедены и уничтожены, не было даже запаса семян для посева весной после окончания войны. Конечно, правительство принимало меры, доставляя колхозам, оказавшимся на оккупированной территории, семенной фонд из других областей страны. Нельзя же было оставить не засеянными поля нашей главной в то время житницы – Украины. Однако эти семена были на вес золота, и они должны были быть израсходованы по назначению. Поскольку на засеянные под хлеб площади был жесткий план по сбору и продаже зерна государству, то ни один колосок не должен был пропасть с поля, за это судили строго по закону. Когда начало наливаться зерно в колосьях, у голодных людей появился соблазн нарвать колосков и как-то утолить голод. Но на это никто не отваживался, так как тюрьма неминуема. Мама иногда приносила отруби. Она нам выдавала их по порции, и мы ели отруби сухими, как животные. Это казалось очень вкусно.

Иногда ржаную муку заваривали кипятком, получалось что-то в виде клейстера. Это тоже было очень вкусно. Начало кое-что поспевать на огородах. Хотелось есть, и мама накопила молодой картошки, которая была чуть больше гороха. Мама сказала, что все равно украдут, не дадут вырасти чужие люди. Пока картошка варилась, я предвкушала, с каким аппетитом буду ее есть. Когда мама поделила нам сваренную картошку, у меня не хватило терпения ждать, пока ее очищу, наелась картошки с кожурой и отравилась ядом – солонином, которого много в кожуре именно молодого картофеля. Помню, как однажды Илья Семенович принес рыбьего жира, конечно, с просроченным сроком годности. Он стал жарить на нем картофель на сковороде на печке во дворе. Пошел ужасный смрад на всю округу. Мы хотели есть, но не могли. Очень хотелось сладкого. Видимо растущий организм требовал глюкозы. Но сладкого ничего не было. Я вспомнила, как дедушка читал мне книгу про первобытных людей «Борьба за огонь».

Первобытные люди утоляли потребность в глюкозе путем поедания сладких корешков каких-то растений. Я мечтала найти такие растения, слышала и от бабушки о корне солодки, но не могла найти. Работа в огороде нас изнуряла. Однажды мы со Светой не выполнили задание по прополке грядок, и мама нас наказала, выгнав на ночь из дома. Мы сидели в траве во дворе. Наступила ночь, вышла луна. Все уже спали. Появилась роса, нам стало холодно. Мы принялись стучаться и проситься в дом. Нас пожалели, и мы, едва добравшись до постели, сразу крепко уснули. Свете часто попадало как старшей, поэтому она требовала послушания от меня. Я часто ее не слушалась, мне крепко попадало от нее. В Муркуриловцах мне ничего не нравилось. Сказывалась послеоккупационная разруха. На полях еще кое-где стояли дзоты, валялись гранаты, бомбы, человеческие останки, поломанные машины. На окраинах братские могилы с надписями, что здесь похоронено несколько тысяч евреев, или поляков, или солдат и офицеров, освобождавших Украину. Дома разоренные, чаще всего под соломенной крышей. Электричество не на каждой улице. Местная власть предпринимала меры по ликвидации последствий войны. Но это было не так легко. Главным в то время было вырастить и убрать урожай, чтобы накормить людей. Колхозники, изнуренные голодом и работой, с утра до вечера работали на полях за трудодни. Скота не хватало, транспорта и горючего практически не было, все делали своими руками и на своем горбу. Поэтому требования были жесткие, что к взрослым, что к старым, что к детям. Жизнь заставляла трудиться всех.

В лесах появились грибы, дикая черешня, яблоки и груши. Дети стали ходить в лес за дарами природы. Грибы брали всякие, даже мухоморы. Их вымачивали, варили, ели, и все сходило с рук от голода. Правда, были некоторые случаи отравления грибами, но тогда никто не знал, от чего умирают люди, от голода или отравления. Умер и умер, ничего не поделаешь, другого выхода не было. Лес от населенного пункта находился далеко, за колхозными полями. Проходя краем полей, мы потихоньку срывали стручки гороха, подбирали зерновые колосья и все с аппетитом съедали. Особенно любили горох, сладкий, сочный, его можно было есть вместе с зелеными стручками. Лиственные породы деревьев составляли лесную чащу. То тут, то там попадались высокие деревья черешни, которая начинала краснеть. Плоды ее были сочные, сладкие, но с примесью горечи, поэтому ее много не съешь. Дички яблок и груш падали с деревьев, их можно было подбирать с земли сколько хочешь. Они были кислые и терпкие, им необходимо вылежаться, а потом употреблять в пищу. Зато стали зреть ягоды ежевики, костяники, их было много. Наливались молочком лесные орехи. Скорлупа их была еще мягкая, требовала дозревания. В лесу попадалось много змей. То они обвивали деревья и грелись на солнце, то с шипением проползали мимо ног в траве и исчезали где-нибудь в норках. Наверно, среди них были ядовитые особи, но нас Господь миловал, ни разу не укусили. Домой возвращались с грибами, ягодами, смертельно уставшими, но довольными. Наконец Юрика устроили в детский садик, который был неподалеку от нашего дома. Он часто болел, и его отправляли домой. Мама посылала меня за обедом для брата. Мне наливали в кастрюльку суп, давали что-нибудь на второе, и я бережно несла домой, чтобы не разлить драгоценное питание. От обеда

пахло так вкусно, что не удержаться от того, чтобы не попробовать. Я заходила в кусты и отъедала из посуды Юрин обед, оставляя и ему.

Началась горячая пора жатвы. Илью Семеновича направили в село организовывать уборку урожая. Он жил в крестьянском доме одного из сел, входивших в Муркуриловецкий район. Пошло первое зерно, заработали ветряные мельницы. Люди потихоньку стали оживать. Мама посылала нас к Илье Семеновичу с разными поручениями, а заодно чтобы мы подкормились. Деревня, где остановился Илья Семенович, была далеко. Мы долго добирались до нее пешком по солнцепеку, босиком. Но это было хорошее занятие для нас. Шли и разговаривали со Светой, смотрели по сторонам, подходили к какому-нибудь ставку и купались. По пути разглядывали сельские домики, многие из которых были расписаны всевозможными узорами, окошки подведены яркой краской, как глаза, ставни и двери покрашены веселой краской. Черепичные крыши придавали домам презентабельный вид, да и соломенные крыши делали хатки веселыми. За тыном рдели спелые яблоки, желтобокие дули (груши), багровела кое-где оставшаяся на ветках вишня, наливалась сизая слива. В кустах красовалась красная паричка. Кругом яркие круглолицые подсолнухи и всевозможных цветов и оттенков высокие мальвы – украшение украинских дворов. На ивовых тынах красовались глиняные горшки. По дорогам катились телеги, запряженные парами волов. Они перевозили инвентарь, урожай, людей. Иногда нас спрашивали, куда мы идем, предлагали подвезти на телеге, чему мы были очень рады. Однажды колхозники посадили нас на повозку, в которой везли крупные груши. Мы ели их вволю, по рукам сок течет, а мякоть нежная, сочная, маслянистая. Вокруг нас осы летали роєм. Колхозницы потчуют нас и приговаривают: «Кушайте, дивчатки, дули, на здоровье».

Хозяева, у которых остановился Илья Семенович, люди приветливые и добрые. Жили они по тому времени довольно неплохо. В хате было просторно, стены и печка побелены и разрисованы всякими петухами, цветами, орнаментом в украинском стиле. Хозяйка – молодая женщина – пригласила нас к столу. Она поставила на стол глиняные миски с борщом и большие ломти домашнего хлеба, сказала, что недавно зарезали бычка, поэтому борщ выдался наваристый, с мясом. Хотя в летнее время в селе скотину никто не режет, здесь случай исключительный, связан с уборкой урожая, поэтому работникам необходимо было подкрепиться. После борща хозяйка налила нам по стакану молока, а затем отвела в сад, в конце которого были заросли малины, чтобы мы там поели ягод. Илья Семенович приходил поздно, весь пропыленный и уставший. Он загорел и стал еще более худым. Иногда мы оставались переночевать, а рано утром отправлялись домой. Нам давали с собой гостинцев – сала, пампушек, хлеба. А дома нас ждала мама и малыши. Мы очень любили маму, нам хотелось ее пожалеть и приласкаться к ней. Но она всегда торопилась по делам, постоянно озабоченная и уставшая.

Мама наша в любых условиях оставалась сама собою. Она была единственной дочерью у своих родителей, помимо нее было два брата, о которых я говорила. По словам бабушки, маму в детстве не жили, ласкали, наряжали, ни в чем ей не отказывали. Она выросла красивая и непосредственная, не знавшая трудностей и печалей. Отец ее – заслуженный человек, был стержнем семьи, имел определенный достаток, чтобы воспитать и выучить детей. Мать – домохозяйка, занималась семьей и детьми и всю любовь и душу вложила в них, особенно в дочь. Дома маму звали Тосей. Ее родители создали прочную семью, основной задачей которой было вырастить нравственно и физически здоровых детей, полезных для общества. Дедушка, мамин отец, никогда не выпивал, бережно относился к каждой копейке. Бабушка была интеллектуально более развита, имела более тонкую натуру в сравнении с мужем. Статная, почти на голову выше своего мужа. Ее мягкие черты лица отражали доброту души. У бабушки были пышные темно-русые волосы, которые она причесывала на прямой пробор, закалывая их на затылке в пучок. Глаза ее светились доброй улыбкой из-под пушистых ресниц и бровей. Ей часто приходилось нелегко, сложно мириться с требованиями дедушки, его жесткими взглядами. К тому же, он был очень вспыльчив и порою не выдержан. Как все мужчины малень-

кого роста, дедушка отличался честолюбием, деспотичностью, смелостью, строгостью. Обладал чувством справедливости, искренностью и большой порядочностью. Он был как живчик бойкий, подвижный, работоспособный, упрямый. При встрече со знакомыми дедушка всегда снимал шляпу, кланялся и говорил: «Мое вам почтение». Дедушка интересовался политикой, всегда читал газеты, с большим уважением относился к Советской власти и правительству, был настоящим патриотом своего Отечества. Такие же идеалы он воспитал и в детях. Зная твердый характер мужа, бабушка ради детей и семьи многое терпела, сглаживала острые ситуации, больше помалкивала, но делала свое дело. Когда мама заневестилась, бабушка старалась ее лучше одевать, вкуснее покормить, так, видимо, поступают все матери. Бабушка была наставницей и доверенным лицом и в сердечных делах своей дочери. Как у каждой привлекательной девушки, у мамы было много поклонников.

Родители остановили свой выбор на моем будущем отце, когда он стал ухаживать за мамой еще задолго до войны. Они создавали условия гостеприимства, увидев в будущем зяте перспективного, серьезного специалиста, так как он самостоятельно, будучи сиротой, заканчивал дневной индустриальный институт. Папа и сам вспоминал десятки лет спустя, как принимали его в своем доме будущий тесть с тещей, когда они жили еще в Ашхабаде. На большой веранде собственного дома накрывали белой скатертью стол. На столе ваза с цветами, самовар и пиалы для чая. К чаю подавали домашний бисквит, варенье из лепестков роз, фрукты. Вокруг стола плетеные кресла. На веранде, сплошь увитой лозами винограда, было прохладно и все располагало к отдыху. Родителям мамы нравился и внешний вид жениха дочери. Он был стройный, подтянутый, с огромной шевелюрой пышных волос. Носил белые брюки и белую обувь, что характерно для Средней Азии. На нем всегда была свежая сорочка, вспоминала бабушка.

Мама и папа были хорошей парой. Мама рассказывала, что в 1932 году был сильный голод в стране из-за неурожая. Многие люди не выжили. Мама сама переносила большие лишения, но она работала и помогала папе закончить институт. Ее родители также поддерживали их, периодически посылая продукты. Папа и мама не были лишены человеческих слабостей. Папа нравился женщинам, тем более, что он часто работал вдали от дома. На маму тоже можно было заглядеться. Привлекательная, холеная внешность, изысканные манеры, умение держаться в обществе и непринужденно поддерживать светские беседы делали ее желанной в любом кругу. Папин отец, ее свекор, как-то сказал: «Антонина везде хороша, и среди панов, и среди холопов». И кто мог бы подумать, что война разъединит эту красивую, умную пару. Дети, родившиеся перед войной, лишатся не только родительского тепла, но и станут в тягость, а внуки от этих детей не будут иметь ни бабушки, ни дедушки.

Глава шестая

Папа приехал! Переезд в Балашиху

Неожиданно для нас в конце лета 1947 года приехал наш родной отец, которого мы не видели с 1943-го, с того времени, как он ушел на фронт. Это стало большим событием не только для нашей семьи, но и для Муркуриловцев. Папа был в военной форме, хромовых сапогах, стройный, с пышной шевелюрой, полный сил и здоровья. Он перенес на войне ранение и контузию, но в то время по нему это было не заметно. Ему было всего 43 года. Лицо, руки и ноги его были холеными, каких мы ни у кого в округе не видели. Он привез подарки и гостинцы, а также продукты, которых мы в голодное послевоенное время давно не видели. Правда, в последние дни, когда появилась мука нового урожая, мама стала печь хлеб дома. Мы крутились около нее, дожидаясь, когда она вынет хлеб из печки и отломит по заветному куску душистого, с хрустящей корочкой, каравая. Наша мечта была наесться хлеба вволю, и ничего больше не надо. Но когда папа вынул из чемоданов соленую свинину, печенье, конфеты и еще много всего вкусного, у нас закружились головы от восхищения. Он недавно приехал из Германии, где его оставили после войны в качестве специалиста, восстанавливать после разрухи советскую зону Берлина и ближайшие города. Папа знал, что у мамы вторая семья и дети от второго мужа. Тем не менее, он привез ей подарки. Отрезы на платье маме, Светлане и мне, всевозможное белье, шелковые чулки, носки, принадлежности для рукоделия – все это было куплено с любовью и желанием угодить. Папа окинул взором наш незатейливый быт. Он жил в Германии в просторной меблированной квартире, освобожденной, естественно, от какой-то немецкой семьи. У него была домработница, хороший паек и зарплата. В Муркуриловцах сразу стало известно о необычном визите фронтового офицера в бывшую семью. Кто-то сообщил об этом Илье Семеновичу. Все волновались и переживали, как произойдет встреча двух мужей – бывшего и настоящего. Больше всех переживала мама. И вот пришел Илья Семенович. Вид у него был неуверенный и жалкий. Мы стояли рядом со своим отцом. Между нами и Ильей Семеновичем суетилась мама. Папа обратил внимание на то, что Илья Семенович одет в его иностранные вещи и обувь, привезенные еще до войны из Ирана. На руке у него были папины швейцарские часы. На взгляд отца Илья Семенович ответил, что все это он купил у Антонины. Папа познакомился с местной властью Муркуриловиц и за кусок сала получил разрешение на ловлю рыбы бреднем в пруде. На рыбалку он поехал вместе с районным головой. Рыбалка оказалась удачной. Привезли много рыбы и раков. Мама нажарила рыбу, сварила уху, раков. Ели все, сколько хотелось. Особенно смаковали хвостики и плавники карасей. Кости от рыбы и шелуха от раков валялись везде, что папе не понравилось. Все утоляли аппетит, было не до порядка. Для этого есть веник. Илье Семеновичу необходимо было возвращаться в село на работу, видимо, он волновался, как себя поведет мама, о чем она будет говорить с нашим отцом в его отсутствие. Мама потом нам рассказывала, что наш отец уговаривал ее сойтись с ним, вернуться к нему обратно. Он предлагал увезти ее со всеми детьми в Москву, где он собирался обосноваться и начать новую жизнь. В сердце мамы что-то екнуло, ее очаровал респектабельный вид нашего отца. Но первая возразила Света. Ей стало очень жаль Илью Семеновича и малышей. Как же они будут страдать, если семья разрушится. Ведь она знает на собственном примере, сколько ей, совсем еще ребенку, пришлось вынести горя оттого, что у нее неродной отец. А теперь это же может постигнуть маленьких детей. А Илья Семенович как? Ведь он совсем беспомощный, кроме того, он очень любил нашу маму. По своей сути он был однолюб. Его первая жена во время войны изменила ему.

Света не любила Илью Семеновича, у них не складывались отношения. Но ее чистая детская душа не могла допустить, чтобы его так унизили. На этом все разговоры и планы были закончены. Мы с папой пошли в лес за грибами. Он говорил, что в Германии такой же лес,

так же много в нем дикорастущих фруктовых деревьев, ежевики, костяники и грибов. Такие же высокие дубы и буки. Мы лежали на траве, земля была теплая, сухая, погода солнечная; несмотря на приближение осени, лето продолжалось. Папа рассказывал нам, что он с трех лет остался без матери, которая умерла, оставив пятерых детей. Он был самый маленький. Отец его быстро женился на другой женщине, у которой были свои дети, да еще появились общие. У папы был брат Игнат, его убили большевики, так как он остался на стороне старого царского режима. Второй брат Григорий живет в Подмоскowie, а сестра Варвара – на Урале в Челябинской области, куда она попала после Октябрьской революции, вышла замуж и родила пятерых сыновей, один из которых погиб на фронте. Две сестры папины погибли от голода при переселении с Украины на Урал. С мачехой детям было несладко, поэтому они разбежались кто куда. Папа был беспризорником, рано начал работать, приходилось самому пробиваться в жизни. Жил на вокзалах, разгружал вагоны, чтобы заработать на жизнь, помощи ниоткуда не было. Он рано понял, что надо учиться, самостоятельно закончил рабфак, затем механический техникум, а потом поступил в дневной институт на строительный факультет. Папа был очень способный и упорный, поэтому он добивался своей цели. Говорил, что преподаватели вуза, где он учился, имели хорошие дома, ездили на фаэтонах, обедали в приличных ресторанах. Он думал, что когда выучится, то будет жить так, как приличествует образованным людям.

Внезапно мама собрала наши немудреные пожитки, и отец нас повез на новое место жительства, где мы должны были пойти в школу. Решение это оказалось неожиданным, как для мамы, так и для нашего отца. Он понял, что в Муркуриловцах нам оставаться нельзя. Света пребывала в няньках, и выхода из этого положения не видно. Такая же участь ожидала и меня, младшую дочь. Разруха и беднота заброшенной украинской глубинки ничего хорошего нам не сулили. У папы своего ничего не было. В Ашхабад возвращаться уже незачем. С женщиной, с которой у него была фронтовая любовь, Софьей Павловной Пальвинской, жизнь не сложилась, хотя там от него уже росла дочка Наташа 1945 года рождения. Тетя Соня, как я называла эту женщину, его очень любила. Она надеялась, что он вернется к ней, все же родной ребенок, казалось бы, должен связывать их. Но отец не спешил вернуться в мрачный холодный Ленинград. Тетя Соня, имея престарелую мать, одна воспитывала Наташу на свои крошечные средства медсестры. Отец им не помогал. Да и на какие средства ему было помогать, когда мы – дети от первого брака – тоже никому не были нужны, и чаще всего нас старались взвалить на шею бабушки и дедушки. Тетя Соня, совсем юная, вместе со своей семьей пережила блокаду Ленинграда, в период которой у нее умер отец. Папа рассказывал, что они две недели держали покойника дома, чтобы пользоваться его хлебными карточками. Мать тети Сони очень уважала моего отца и делала все для того, чтобы они жили вместе. Тетя Соня, при своей обаятельной внешности, была очень выдержанная, культурная женщина, что характерно для ленинградцев. Она была готова ради любимого человека воспитывать и нас. Но судьба обошлась с ней несправедливо и жестоко. Бог судья моему отцу за его неосмотрительные поступки. Хотя я ни его, ни маму не осуждаю за то, что они сломали нам жизнь. Я, как и Света, всегда ими гордилась и их ошибки старалась не повторять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.